

Санкт-Петербургский государственный университет

Текстообразующие функции дискурсивных слов $d\hat{o}/d\hat{a}$ в
средневерхненемецком языке

Выпускная квалификационная работа
соискателя на степень бакалавра
Щукиной Екатерины Витальевны

Научный руководитель:

д.ф.н., проф. Баева Галина Андреевна

Рецензент:

к.ф.н., доц. Бирр-Цуркан Лилия Фёдоровна

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Актуальность исследования дискурсивных маркеров в средневерхненемецком языке обусловлена современным интересом науки к анализу языка с позиции антропологии и к исследованию частных вопросов коммуникации, таких как способов изменения коммуникативного воздействия на собеседника. Исследование проводится в рамках исторической прагматики, что даёт возможность приблизиться к изучению особенностей живой речи в письменных текстах отдалённых эпох. Кроме того, актуальность состоит в том, что описания текстов жанра героического эпоса и куртуазного романа позволяют, с одной стороны, определить индивидуальные особенности и типологические приметы конкретных текстов, и, с другой стороны, помогают выявить некие универсальные черты, присущие текстам самых разных типов и характеризующие текст как абстрагированный объект лингвистического описания.

Мы предполагаем, что использование дискурсивных частиц связано с традиционными речевыми формулами, характерные для этих двух жанров, указывают на его изначально устную природу. Литература Средневековья обладает своими канонами, от которых авторы редко отступали. В.М. Жирмунский писал, что повторение, как «древнейшая особенность устного поэтического стиля»¹, является отражением мировосприятия в конкретную

---

¹ Жирмунский, В. М. Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения // Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л., 1979. – С. 169.

эпоху, именно поэтому формулы можно найти как в рыцарском романе, так и в героическом эпосе.

Новизна исследования состоит в том, что в нём впервые осуществляется подробное исследование лексических средств организации дискурса – дискурсивных частиц *dô* и *dâ* – в средневерхненемецких памятниках, которые ещё практически не являлись предметом специального изучения в германистике.

Цель исследования – выявление языковых способов текстообразования с помощью дискурсивных частиц и анализ случаев употребления дискурсивных маркеров *dô* и *dâ* в средневерхненемецких памятниках.

Данная цель определила **задачи** дипломной работы:

- 1) уточнить понятие дискурсивных слов и определить своеобразие исследуемых единиц;
- 2) учитывая жанровые каноны эпохи, выявить, описать и систематизировать контексты употребления указанных лексем;
- 3) определить их коммуникативные и текстуально-прагматические функции;
- 4) описать дистрибуцию исследуемых единиц;
- 5) выявить синтаксическую сочетаемость исследуемых единиц.

Материалом исследования послужили немецкие средневековые тексты, а именно – авентюры XXII-XXV из героического эпоса «Песнь о нибелунгах» и рыцарский роман Гартмана фон Ауэ «Бедный Генрих». Такой объём обусловлен тем, что роман «Бедный Генрих» составляют 1520 строк, поэтому мы привлекли для анализа равный по объёму отрывок из «Песни о нибелунгах» в 1004 строки, которые несколько длиннее, нежели строки из рыцарского романа, что даёт нам в итоге одинаковый объём эмпирического. Материал извлекался из текстов методом сплошной выборки. В итоге

выборка лексем составила 157 dâ и 231 dô: 91 dâ, 161 dô в «Песни о нибелунгах»; 66 dâ, 70 dô в «Бедном Генрихе», всего 388 лексических единиц.

Предметом исследования являются текстообразующие функции дискурсивных маркеров в средневерхненемецком языке.

Методы исследования: метод сплошной выборки, анализ эмпирического материала осуществлялся на основании метода словарных дефиниций, метода семантического, прагматического и дистрибутивного анализа, а также метода количественного анализа.

Глава 1. К проблеме определения дискурсивных маркеров

1.1 Трактовка понятия «дискурсивный маркер» в лингвистических исследованиях

В последней трети XX века в связи с коммуникативно-прагматическим поворотом в лингвистике среди ученых возрос интерес к служебным (незнаменательным) словам, особенно к тем, которые «отражают не столько отношения между частями описываемого в высказывании фрагмента действительности, сколько отношения между элементами структуры дискурса, понимаемого как коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст»². Такие лексемы лингвисты стали обозначать по-разному: дискурсивными словами, дискурсивными маркерами, дискурсивными коннективами, прагматическими маркерами, прагматическими частицами, диалогическими частицами.

С. В. Когут объясняет такое терминологическое разнообразие «различными теоретическими подходами» к этой проблеме³. О.Г. Почепцов характеризовал их как «индикатор практической силы высказывания»⁴, Г. Редекер – как лексическую единицу, сигнализирующую об «отношении

---

² Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). — М., 1992. — С. 289.

³ Когут, С. В. Дискурсивные маркеры в русскоязычных и немецкоязычных геологических статьях // Вестник Томского государственного университета. – 2014. - № 380. – С. 19.

⁴Цит. по: Власян, Г.Р. Особенности функционирования маркеров англоязычного разговорного дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, И., 2011. – С. 117.

высказывания к его непосредственному контексту»⁵, а Д. Шиффрин – как средства, отвечающие за последовательность высказываний⁶.

Термин «дискурсивные слова» обычно соотносят с определённой группой лексических единиц, «важным свойством которых является их непосредственная связь с функционированием дискурса»⁷.

Дискурсивные слова – это термин, используемый русскими лингвистами, тогда как немецкие ученые конца 70-х – начала 80-х годов прошлого века употребляли термин *Gesprächswörter*.⁸ А. Букхард пишет, что за всю историю лексикографии германских языков с дискурсивными словами обходились несправедливо, так как они никогда не были описаны в полном объеме, их коммуникативные функции и коннотации не принимались во внимание или недостаточно различались учеными, и частеречную принадлежность зачастую определяли произвольно и неточно.⁹ При этом дискурсивные слова обладают относительно широкой анафорической и катафорической сферой влияния, как писали, например, Н. Диттмар и А.Е. Котов¹⁰.

---

⁵ Redeker, G. Ideational and pragmatic markers of discourse structure. // Journal of Pragmatics. – 1990. – №. 14. – P. 372.

⁶ Schiffrin, D. Discourse Markers. – Cambridge, 1987. – P. 31.

⁷ Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и П. Пайара. – М., 1998. – С.7.

⁸ Henne, H. Die Rolle des Hörers im Gespräch // Sprache und Pragmatik: Lunder Symposium 1978. – Lund, 1979. – S. 123.

Burkhardt, A. Die Beschreibung von Gesprächswörtern im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch // Wörterbücher/Dictionaries/Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie. – Berlin, New York, 1989. – S. 824.

⁹ Burkhardt, A. Ibid.

¹⁰ Dittmar, N. Lakmüstest für funktionale Beschreibungen am Beispiel von auch (Fokuspartikel, FP), eigentlich (Modalpartikel, MP) und also (Diskursmarker, DM) // Modus, Modalverben, Modalpartikel. – Trier, 2002. – S. 143.

По: Мурашкова, Е. М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров // Вестник МГОУ. – 2014. – №5. – С. 54.

Согласно К. Л. Киселевой, понятие «дискурсивного слова» восходит к учению известного французского исследователя Освальда Дюкро, а дальнейшее развитие оно приобрело в трудах Антуана Кюлиоли, который разрабатывал собственную модель лингвистики высказывания¹¹. Иностранные учёные, занимающиеся дискурсом, а в особенности – разговорным анализом, хорошо знакомы с понятием «дискурсивных частиц»¹². Отечественные исследователи, как правило, не занимаются систематизацией дискурсивных слов среди отдельных частей речи. Они говорят о неопределённом статусе этих единиц, а ближайшей частью речи, в которую можно было бы их отнести, указывают служебные слова (не обладающие лексическим значением) и частицы (часто пересекаются с наречиями). Еще В.В. Виноградов серьёзно рассматривал эти же группы слов, в том числе, модальные слова и модальные частицы; кроме того, он ввёл функциональную классификацию с 12 классами¹³. В. Виноградов выделял, например, следующие важные свойства модальных слов:

- 1) говорящему отводится центральное место, так как «модальные слова и частицы определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор функции отдельных выражений в составе речи»;
- 2) близость модальных слов и частиц – обе категории составляют ядро дискурсивной лексики¹⁴.

Термин «дискурсивные слова», хотя и еще и не применяется широко, некоторыми исследователями считается удачным. Он берет за основу

---

¹¹ Киселева, К. Л. Инвариантное и вариативное в семантике дискурсивных слов: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук/ Киселёва Ксения Львовна; РГГУ. – М., 1996.

¹² Томмола, Х. Прямо прямо идет, а с нею не разминешься (о статусе дискурсивных слов и частиц) // *Slavica Helsingiensia*. – 2008. Vol. 35. – P. 410.

¹³ Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 2001. - С. 603.

¹⁴ Там же. – С.725, 729.

«семантическую специфику слова — его участие в соотношении «вещественного» содержания высказывания с коммуникативной ситуацией»¹⁵, — и отодвигает на второй план его формальные признаки. Разумеется, у дискурсивных слов есть определенные морфологические и синтаксические характеристики. Дж. Браун и Дж. Юл выделяют среди признаков дискурсивных маркеров следующие: свободный тип синтаксической связи со структурой, в которой они используются, часто препозитивное положение и факультативность употребления¹⁶. Кроме того, маркеры дискурса служат связующим звеном между продуцентом, реципиентом, местом и временем высказывания. А Г.Р. Власян считает, что «дискурсивные маркеры можно изучать только через их употребление, так как они не имеют денотата в общепринятом смысле»¹⁷.

Морфосинтаксическая специфика дискурсивных маркеров на данный момент изучена мало, так как при определении синтаксического статуса дискурсивного маркера возникает две проблемы. Первая – проблема «установления элемента предложения», в которую входит дискурсивный маркер и с которой он, соответственно, связан синтаксически; вторая – проблема «определения характера этой связи и ее направления»¹⁸ (если речь идёт о подчинении). Однако очевидно, что не существует формальных критериев для определения дискурсивных маркеров как членов той или иной категории на основании традиционных лексико-грамматических категорий классической грамматики. Эту проблему рассматривали, помимо указанного выше В.В. Виноградова, такие ученые, как Т.А. Колосова и М.В. Черемисина, Т. Ф. Ефремова, решившие ввести категории вводных или модальных слов,

---

¹⁵ Кобозева, И.М., Захаров, Л.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Тр. междунар. конф. «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» (диалог '2005). – М., 2005. – С. 292.

¹⁶ Brown, G., Yule, G. Discourse analysis. – Cambridge, 1983. - P. 106.

¹⁷ Власян, Г.Р. Указ. соч. – С.118.

¹⁸ Кобозева, И.М., Захаров, Л.М. Указ. соч. – С. 292.

скреп и предикативов соответственно¹⁹. Явное доказательство существованию проблемы частеречной классификации — отсутствие единообразия в грамматической классификации одних и тех же дискурсивных маркеров и в примерах их использования, которое можно увидеть не только в словарях. Об этом писал Н.Н. Черник, говоря о «функциональной разнородности» данных единиц²⁰. Например, разные авторы могут причислять одну и ту же лексему (дискурсивный маркер) к вводным словам, частицам, междометиям и т.д. И.М. Кобозева и Л.М. Захаров считают, что «акцентируя функционально-семантический аспект обозначаемого типа языковых единиц, термин «дискурсивные слова» позволяет обойти псевдопроблему их принадлежности к одной из традиционных «частей речи»»²¹, что позволяет определить их формальные свойства, на основании которых можно будет произвести их разделение на лексико-грамматические категории. Однако сам термин «дискурсивные маркеры» наводит на мысль, что эти лексемы могут обладать специфическим значением и собственной сферой применения в разговоре.

Сегодня существует большое количество описаний и даже словарей дискурсивных слов²² (например, Баранов, Плунгян, Рахилина 1993; Ефремова 2001; Словарь структурных слов 1997; Дискурсивные слова 1998; Шимчук,

---

¹⁹ Черемисина, М.И., Колосова, Т.А. Очерки по теории сложного предложения. – М., 2010. – С. 15.

Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. – М., 2001. – С. 829.

²⁰ Черник, Н. И. Дискурсивные маркеры как средство логико-композиционной организации научного дискурса // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы VII Международной конференции, посвященной 92-летию образования Белорусского государственного университета, 30 октября 2013 г. – Минск, 2013. – С. 94.

²¹ Кобозева, И.М., Захаров, Л.М. Указ. соч. – С. 293.

²² Баранов, А. Н., Плунгян, В. А., Рахилина, Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М., 1993.; Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. – М., 2001.; Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц. – Frankfurt a.M., 1999.

Щур 1999). Данные работы содержат необходимую информацию об основных дискурсивных маркерах, в том числе, в них рассматриваются фонетический, грамматический, синтаксический, семантический аспекты, однако этой информации недостаточно для того, чтобы обучать иностранцев языку.

Проблема определения понятия дискурсивных маркеров объясняется сильной привязкой данных единиц к контексту. Исследователи сходятся во мнении, что если попытаться «вынуть» такие слова из «живого» текста, то их семантика полностью утратится. Одним из подходов к классификации дискурсивных маркеров могло бы стать теоретическое рассмотрение их сочетаемости с другими лексемами в определенных контекстах, однако непонятно, возможно ли учесть все случаи сочетаемости дискурсивной лексики и классифицировать все возможные контексты.

Б. Фрейзер считает, что «дискурсивные (у него – прагматические) маркеры – это функциональный класс лексических выражений, существующий в любом языке». «Они не приносят никакого значения в пропозициональное содержание высказывания как такового, но сигнализируют, помечают, маркируют аспекты сообщения, которые хочет передать коммуникант»²³.

С определением Б. Фрейзера перекликается и мнение российского учёного А.А. Кибрика, который пишет, что «дискурсивные маркеры – слова или словосочетания, кодирующие значения, отличные от пропозиционального содержания (или от истинностной оценки)»²⁴. Учёный указывает как на собственное значение изучаемого класса единиц, так и на отличие данного значения от смысла самого высказывания, однако это отличие не описывается.

---

²³ Цит. по: Мурашкова, Е.М. Указ. соч. – С. 54.

²⁴ Кибрик, А.А. Лекция «Дискурсивные маркеры». – 2009. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/New/14-discourse-markers.pps>. – С.3.

Дискурсивные маркеры употребляют для того, чтобы возникла логическая и прагматическая связь «между словами, частями предложения и между предложениями»²⁵, – пишет Е.С. Голубева. Она отмечает, что любая коммуникация опирается на логику поведения и дальнейшего взаимодействия, поэтому дискурсивные маркеры служат для «поддержания общения» и выступают в роли соединительных маркеров или частиц²⁶.

Т.В. Жеребило обозначает исследуемые единицы как дискурсивные (дискурсивные) маркеры. Дискурсивный маркер – это «языковой инструмент структурирования дискурса – от фонетических показателей до синтаксических; это слова, фразы, звуки, не имеющие реального лексического значения, но обладающие функцией формировать разговорную структуру, передавая намерения говорящих при разговоре»²⁷. А.Е. Котов толкует их как: «элементы, лишённые лексического значения и не привносящие дополнительной информации тексту» и приписывает им «разделительную и различительную функции в речевых актах»²⁸.

Однако, несмотря на десемантизацию слова в его дискурсивном употреблении, между этим его значением и значением в недискурсивном употреблении часто нет очевидной семантической связи. Более того, К. Киселёва и Д. Пайар считают значения дискурсивных слов более субъективной категорией, нежели значения слов полнозначных²⁹.

В словаре «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка» А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина определяют дискурсивные слова как «единицы, которые <...> обеспечивают связность

²⁵ Голубева, И.С. Дискурсивный маркер в политическом дискурсе // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: Материалы XXV студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. — М., 2015. — № 6(24). — С. 48.

²⁶ Там же.

²⁷ Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Н., 2010. – С.95.

²⁸ По: Мурашкова, Е.М. Указ. соч. – С. 54.

²⁹ Киселева, К. Л, Пайар, Д. Указ соч. – С. 9.

текста и <...> отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты <...> и оценивает их»³⁰. Ученые считают, что именно эти лексемы «управляют процессом общения»³¹, так как они раскрывают различные оттенки высказывания, позволяют оценить его истинность или значимость и т.д. Таким образом, им отводится важная роль как в процессе производства текста, так и в процессе его понимания. С этим мнением перекликается определение Г.М. Вишневской и Н.И. Кремень, которые писали, что «дискурсивные маркеры – это класс слов с уникальными и формальными возможностями, важной составляющей которых является прагматический аспект», а их главная функция – «структурно-смысловая организация текста»³², элементами которого они при этом являются.

Если обратиться к прагматической парадигме в языкознании, то можно заметить, что понятие «дискурсивные слова» все чаще используется вместо ориентированного на формальные понятия слова «частица»³³. С одной стороны, частицам приписывают очень отличающиеся друг от друга функции. Исследователи рассматривают наряду с усилительными и выделительными частицами также формообразующие частицы, которые явно нельзя считать отдельными лексемами.

Важной особенностью маркеров дискурса является «обеспечение формально-грамматической и смысловой связности частей дискурса за счет

---

³⁰ Баранов, А. Н., Плунгян, В. А., Рахилина, Е. В. Указ. соч. – С. 7.

³¹ Там же.

³² Вишневская, Г. М., Кремень, Н. И. О функционировании дискурсивных маркеров в устной политической речи // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – №45. – с. 249.

³³ Борисова, Е. Г. Дискурсивные слова и референция в процессе понимания сообщения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2014). – М. – 2014. – № 13. – С. 99.

демонстрации свойств когезии и когеренции.»³⁴ М.Б. Бергельсон считает, что в синтагматическом плане дискурсивные маркеры могут выступать в разных функциях, в зависимости от чего они регулируют или информационный поток, или отношения говорящих.³⁵ О тех же свойствах исследуемых единиц писали и Л. М. Болсуновская, Ю.А. Зеремская и Н. В. Дубровская, которые охарактеризовали их как «единицы, <...> отражающие процесс взаимодействия говорящего и слушающего» и выделили у них три главные функции: они должны служить когезии, показывать отношение автора к тексту и демонстрировать взаимодействие автора и слушателя/читателя.³⁶

Итак, в связи с возникновением интереса к незнаменательным лексемам вообще и к дискурсивным маркерам, отражающим отношения между элементами коммуникации, в частности, учёные стали подробно изучать их на материале разных языков. Существует большое разнообразие в наименовании данных лексем, однако единства в определении их функций и частеречной принадлежности не наблюдается: их причисляют к десемантизированным служебным словам, к частицам или наречиям. Термин «дискурсивное слово» основывается на семантической специфике, при этом его формальные признаки не принимаются во внимание. Такие слова объединяют коммуникантов и обстоятельства, при которых происходила коммуникация, поэтому их изучение возможно только через контекст, и именно из-за такой сильной связи с контекстом сложно дать этим словам чёткое определение. Некоторые исследователи считают, что дискурсивные слова не играют никакой роли относительно значения высказывания, однако

---

³⁴ Массалина, И.П. Дискурсивные маркеры [Электронный ресурс]. – URL: http://www.klgtu.ru/en/research/magazine/2009_15/45.doc. – С. 2.

³⁵ Бергельсон, М.Б. Дискурсивные маркеры как часть речи // Типология языка и теория грамматики: Материалы Международной конференции, посвящённой 10-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона, 27-30 ноября 2007 г.». – СПб., 2007. – С. 25.

³⁶ Болсуновская, Л. М., Зеремская, Ю.А., Дубровская, Н. В. Виды дискурсивных маркеров в русскоязычных и англоязычных научных статьях по геологии и нефтегазовому делу // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. - №4. – С. 118.

они отмечают те его аспекты, которые важны для коммуниканта, и обеспечивают когезию текста. Несмотря на большое количество работ по дискурсивным словам в современных языках, на историческом материале эта тема практически не исследовалась.

1.2 Особенности древних памятников. Формульность

В данной работе мы будем анализировать случаи употребления дискурсивных маркеров *dô* и *dâ*, характерные для средневековых текстов, на материале героического эпоса «Песнь о нибелунгах» и рыцарского романа Гартмана фон Ауэ «Бедный Генрих». Для средневековых памятников характерно такое явление, как формульность, являющееся универсальной категорией фольклорных произведений, и исследуемые нами дискурсивные маркеры считаются традиционными инициальными эпическими формулами, отмечающими начало рассказа³⁷. В регулярном возникновении лексемы *dâ*

---

³⁷ Masser, A. Von Alternativstrophen und Vortragsvarianten im Nibelungenlied // Hohenemser Studien zum Nibelungenlied. – Dornbirn, 1981. – S. 137.

или устойчивых конструкций, как, например, “*dô sprach*”, найденных нами в исследуемом материале, видны отголоски традиционных эпических формул.

Данное свойство эпического текста отмечали ещё Я. Гримм, Л. Уланд, А.Н. Афанасьев, изучали известные исследователи-фольклористы, в том числе А. Даур, С. Боура, Р. Майер, О. Хольцапфель, В.М. Жирмунский, Е.М. Мелетинский, А. Н. Веселовский, П.А. Гринцер, но создал теорию формульности американский учёный М. Пэрри, а его ученик А. Лорд развил её³⁸. Пэрри считал, что формульность присуща устной поэзии, так как формулы – это основные структурные единицы текста. Традиционная формула использовалась для импровизации перед публикой, без неё поэт вряд ли сумел бы исполнить песнь, которые в большинстве своём были весьма длинными.³⁹

Однако несмотря на то, что формула оказалась главным понятием, находящимся в центре теории, её не стали изучать как самостоятельную единицу, присущую поэзии. М. Пэрри и А. Лорд характеризовали формульность как свойство исключительно устного текста, необходимое поэту для импровизации, поэтому анализ формул считался излишним⁴⁰.

Одним из основных выводов М. Пэрри, основывающийся на главном тезисе его теории, что формула – исключительно утилитарное средство, является отрицание художественного эффекта как цели применения формул⁴¹. Поэтому следует проводить различие между формулой как

---

³⁸ См., например: Веселовский, А. П. Историческая поэтика. – М., 1989. Daur, A. *Das alte deutsche Volkslied*. – Leipzig, 1909. Bowra, C. M. *Primitive song*. – London, 1962. Meyer, R. *Die altgermanische Poesie nach ihren formelhaften Elementen beschrieben*. – Berlin, 2011. Holzapfel, O. *Studien zur Formelhaftigkeit der mittelalterlichen dänischen Volksballade*. – Frankfurt a. M., 1969. Parry, M. *Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making*. Vol. 1. *Homer and the Homeric Style*. — Cambridge (Mass.), 1930; Vol. 2. *The Homeric Language as Language of Oral Poetry*. — Cambridge (Mass.), 1932. Lord, A. *The singer of tales*. – Cambridge (Mass.), 2000.

³⁹ Цит. по: Гуревич, Е.А. Парная формула в эддической поэзии. Опыт анализа // *Художественный язык Средневековья*. – М., 1982. – С. 61.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. – С. 82.

элементом, необходимым поэту для импровизации, и формулой в качестве рефрена или других средств поэтического искусства, используемых исполнителем сознательно для достижения художественной цели.

Обилие формул объясняется тем фактом, что средневековые эпические памятники восходят к устной традиции, и дошедшие произведения, по сути, возникали в процессе повествования. Что касается «Песни о нибелунгах», многие учёные пытались доказать её устную природу. Например, Шт. Зондерэггер считает прямую речь героев эпоса доказательством его устного характера⁴², тогда как К.Х.Р. Боргхарт аргументирует эту теорию наличием в тексте множества формул.⁴³

Исследователи «Песни» часто задавались вопросом, можно ли считать формулы доказательством устного характера текста. Ещё недавно учёные принимали формульность за оставшуюся от устного стиля особенность. Разумеется, в устных эпических произведениях можно найти огромное количество формул, однако это отнюдь не значит, что все древние тексты со множеством формул опираются на устные произведения. Поэтому можно сделать вывод, что в «Песни о нибелунгах», которая хотя и тесно связана с устной традицией, формульность обладает иной функцией, нежели в исключительно устных произведениях. Сегодня учёные считают, что формулы в «Песне» являются скорее стилистической характеристикой, а не структурной: автор намеренно употребляет формулы в качестве художественного средства, чтобы у слушателей (читателей) создалось впечатление устности, благодаря чему запечатлённый на бумаге текст остаётся связан с древней традицией рассказа⁴⁴.

---

⁴² Sonderegger, St. Reflexe gesprochener Sprache in der althochdeutschen Literatur // Frühmittelalterliche Studien. – 1971. – Vol. 5. – S. 176.

⁴³ Borghart, K.H.R. Das Nibelungenlied. Die Spuren mündlichen Ursprungs in schriftlicher Überlieferung. – Amsterdam, 1977. – S. 147.

⁴⁴ См., например: Рыкунова, А. Б. К вопросу о научной и культурной рецепции «Песни о нибелунгах» // Шаги/Steps. – 2015. – Т. 1. № 2. – С. 145.

В 1950-1960-е годы последователи теории М. Пэрри и А. Лорда стремились применить её к средневерхненемецким текстам, в том числе, к «Песни о нибелунгах». Исследователи пытались решить вопрос об авторстве эпоса и изучали, как соотносятся письменное и устное в тексте, однако они пришли к выводу, что невозможно точно разграничить эти два понятия и что следует говорить об их взаимопроникновении⁴⁵.

Выбор текстов для настоящего исследования неслучаен, так как в и в эпосе, и в куртуазном романе априори можно найти множество примеров применения исследуемых нами лексем, хотя оба эти жанра принципиально отличаются друг от друга. Мы ограничимся рассмотрением текста «Песни о нибелунгах» и «Бедного Генриха», так как предполагаем, что в других текстах того же периода наблюдается похожая картина использования дискурсивных слов.

Хотя оба произведения были записаны примерно в одно время – в конце 12 – начале 13 века – они различны по своей природе. Как и многие другие примеры героического эпоса, «Песнь» анонимна, что принципиально для этого жанра: те, кто соединил и обработал известный им материал, не признавал себя авторами произведений, несмотря на то, что компилятор «Песни» не мог не знать о понятии авторства, являясь современником куртуазных авторов – Гартмана фон Ауэ в том числе⁴⁶. Таким образом, «говорящий здесь – только исполнитель передаваемого текста»⁴⁷, как считал В.И. Тюпа. В тексте «Бедного Генриха», напротив, автор с первых строк обозначает себя, называя своё имя.

Главное отличие романа от эпоса состоит в том, что эпос можно соотнести с мифом, и его читатели всегда верили в подлинность описанных в нем событий, тогда как для романа такая вера не являлась неотъемлемой

⁴⁵ Там же. – С. 134.

⁴⁶ Гуревич, А. Я. Средневековый героический эпос германских народов // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М., 1975. — С.6-7.

⁴⁷ Тюпа, В. И. Три стратегии нарративного дискурса // Дискурс. – 1997. – №3-4. – С. 108.

частью его восприятия. Важной характеристикой куртуазного мира было соединение реальности и фантазии, которая, в свою очередь, преподносится автором как бытовое явление. В романе соединяются две темы: любовь и фантастика (сюда относятся не только волшебные мотивы, но и всё необычное)⁴⁸, однако, как отмечает Е. М. Мелетинский, эта фантастика может быть объяснена с рациональной точки зрения. Учёный также пишет, что в романе изображена самостоятельная личность, «уже не <...> связанная с этническим коллективом (и оппозицией «свой-чужой»)», а интересует автора романа личная судьба и собственные переживания героя, уже не связанные с «общественным «эпическим» фоном»⁴⁹

«Песнь о нибелунгах» датируется примерно 1200 годом, и считается, что возник текст в Австрии. Эпос включает в себя 39 глав (или авентюр) и состоит из двух частей. Всего существует 3 рукописи, представляющих особые редакции: А, В и С, и до сих пор никому из исследователей не удалось установить подлинную, первоначальную рукопись. В нашей работе мы используем текст, базирующийся на рукописи В, которая датируется XIII веком⁵⁰. В отличие от многих рыцарских романов, которые исполнялись при королевских дворах, сюжет «Песни о нибелунгах» не был заимствован из французской культуры: он является национальным достоянием. Интересно, что до того, как неизвестный певец представил «Песнь» в том виде, в котором она дошла до наших дней, существовало два самостоятельных сюжета, возникших примерно в одно время у франкских племён, но имевших

---

⁴⁸ Луков, В. А. Этапы литературного процесса: Средние века: Высокое Средневековье. — Теория истории литературы: Жанры [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.litdefrance.ru/199/1359>.

⁴⁹ Мелетинский, Е. М. Средневековый роман. Происхождение и классические формы. — М., 1983. — С. 3.

⁵⁰ Das Nibelungenlied Mittelhochdeutsch/Neuhochdeutsch // Hgg. v. Joachim Heinzle. — Berlin, 2015. — 1755 S.

различную историю развития. «Песнь» повествует о попытке примирения германцев с гуннами – о событии, восходящем ко времени Великого переселения народов. В первой части рассказывается о падении королевства бургундов, во второй – о гибели короля гуннов Этцеля.

Роман «Бедный Генрих» был написан в 1197 году после возвращения автора из крестового похода на родину. Швабский рыцарь, Гартман фон Ауэ, как и все его современники, был увлечён романами известнейшего поэта Кретьена де Труа, и «перевёл» два его романа на немецкий язык. Одновременно с ними появляется «Бедный Генрих» - единственное произведение автора, которое является не переложением французского источника, а представляет собой обработку немецкой легенды, в чём видно сходство романа с «Песней о нибелунгах». Как пишет А. Д. Михайлов, этот роман во много близок житийной литературе, которая заостряла внимание на бытовом элементе, но в данном случае это «кажущуюся близость»: христианские мотивы «гордыни, наказания за неё, смирения и прощения» - не главное здесь. В центре – идея человечности, которая, в итоге, побеждает и не позволяет Генриху согласиться на смерть невесты ради его исцеления, за что Господь награждает его⁵¹.

Учёные писали и о некотором сходстве между жанрами героического эпоса и рыцарского романа: Е.М. Мелетинский говорил, что «средневековый роман имеет с эпосом ещё живые связи»⁵², Х. Кун считал мнимым разграничение этих двух жанров⁵³. Н. Р. Вольф уверен, что отличие героического эпоса от куртуазного можно увидеть в том, как авторы относятся к этим произведениям: он говорил, что создатель «Песни» отталкивался от традиции устного структурирования текстов, что доказывает

---

⁵¹ Михайлов, А. Д. Роман и повесть высокого Средневековья // Средневековый роман и повесть. – М., 1974. – С. 20.

⁵² Мелетинский, Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М., 1986. – С. 192.

⁵³ Kuhn, H. Gattungsprobleme der mittelhochdeutschen Literatur. – München, 1956. – S.15.

регулярное применение частицы *dô*, а куртуазный эпос опирается на письменный язык⁵⁴.

Как было сказано выше, исследуемые тексты в рамках жанровых канонов характеризуются обильной формульностью, а так как речь идёт о стихотворных текстах, то некоторые их характеристики можно также объяснить «требованиями метрической структуры»⁵⁵. Далее, как отмечает Н.А. Бондарко, формула (которую он называет стереотипом) «является не только регулярно воспроизводимой, но и продуктивной структурой, характеризующей порождаемый с ее помощью текст как принадлежащий к определенной традиции», поэтому частое их употребление имеет большое значение для передачи «типичных концептуальных структур в типичных же формах»⁵⁶. В.М. Жирмунский считал «традиционные формулы эпического повествования <...> особенностями поэтического мышления, в котором типическое и традиционное преобладало над индивидуальным»⁵⁷

Важной особенностью древнего эпоса является присутствие автора в тексте и его обозначение в нём, в отличие от, например, хроник или, как это было в русской традиции, погодных записей. Как пишет И.П. Еремин, автор проявляет себя в оценках событий, пытается комментировать их, может давать прямую характеристику героев сказания⁵⁸. Он обладает собственной манерой изложения, и проследить её можно, обратив внимание, среди

---

⁵⁴ Wolf, N. R. Satzkonnectoren im Neuhochdeutschen und Mittelhochdeutschen. Prolegomena zu einer kontrastiven Textsyntax // Sprachwissenschaft. – 1971. – №3. – S. 44.

⁵⁵ Тихонова, Е.С. Временная локализация действия в средневерхненемецких эпических памятниках: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук, Тихонова Елена Сергеевна; СПбГУ. – СПб., 2009. – С.15.

⁵⁶ Бондарко, Н.А. О стереотипных структурах и их варьировании в средневековой словесности // Типология языка и теория грамматики: Материалы Международной конференции, посвящённой 10-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона, 27-30 ноября 2007 г.». – СПб., 2007. – С. 32.

⁵⁷ Жирмунский, В. М. Указ. соч. – С. 169.

⁵⁸ Еремин, И.П. Формы летописного повествования // Лекции и статьи по древней русской литературе. – Л., 1987. – С. 55.

прочего, на выбор лексики. Сказитель описывал отдельные факты, изображал лишь «внешнюю канву событий», при этом прекрасно понимая, что в мире всё связано, и одни события являются следствием других. И именно такие связи он отражал во время исполнения песни, используя, в том числе, формульные выражения, к которым, несомненно, относятся и регулярно повторяющиеся коннекторы или дискурсивные маркеры.

1.3 Лексемы *dō* и *dâ* в словарях и грамматиках средневерхненемецкого языка

Как мы отметили ранее, характерной особенностью письменных памятников древности, существующих в устной традиции, является частотное употребление разных формульных элементов, в том числе, частиц *dō* и *dâ*. Однако работ, посвящённых данной тематике, в современной науке почти нет. Например, Г. А. Баева исследует функции и анализирует сочетаемость этих лексем на ограниченном языковом материале⁵⁹, а Е. В. Тихонова пишет о конкретных конструкциях с ними в древне- и

---

⁵⁹ Баева, Г.А. Дискурсивные частицы *dō* /*dâ* в немецком героическом эпосе // *Philology*. – 2016. - №4. – С. 55-56.

средневерхненемецком⁶⁰. Далее мы приведём описания этих частиц, представленные в различных словарях и грамматиках немецкого языка.

Авторы исторических грамматик указывают семантическое развитие данных лексических единиц. Например, И. Даль описывает изменение *dô* и *dâ* от указательного наречия к указательной частице: ahd. *dâr* > mhd. *dâ* > nhd. *da*; ahd. *dara* > mhd. *dar*; наречие времени ahd. mhd *dô* > nhd. *da*⁶¹. А. Беттен, исследующая синтаксические особенности древних текстов, говорит, что эти лексемы использовались «для привлечения внимания читателя к переходу от одного действия к другому»⁶²

В «Средневерхненемецком словаре» М. Лексера указаны три значения для каждой из рассматриваемых частиц, при этом два значения у них совпадают – обе лексемы могли выполнять *указательную* («*da, dort, damals*») и *относительную* («*als*») функции, однако в обоих случаях частица *dâ* указывала на *локальность*, в то время как *dô* отвечала за *темпоральное* значение. Также в словаре М. Лексера отмечается, что эти слова часто использовались «лишь для продвижения речи» и, как следствие, самого повествования⁶³. Кроме того, в словаре также дано семантическое развитие этих частиц.

В другом лексикографическом источнике, а именно в «Средневерхненемецком словаре», Бенекке, Мюллер и Царнке тоже подчёркивают темпоральное употребление частицы *dô*, в то время как частица *dâ* использовалась для передачи локального значения и указания на первопричину действия или события. Авторы словаря также определяют *dô*

---

⁶⁰ Тихонова, Е.В. Следы поэтических формул в древневерхненемецких и средневерхненемецких памятниках // Электронный научный журнал SCRIPTORIUM: история древнего мира и средних веков. – 2010. — № 6. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91498>. – С. 62.

⁶¹ Dal, I. Kurze deutsche Syntax. – Tübingen, 1962. – S. 151.

⁶² Betten, A. Zur Satzverknüpfung im althochdeutschen Tatian // Althochdeutsch. 1987, С. 407

⁶³ Lexer, M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.woerterbuchnetz.de/Lexer?lemma=dar>, <http://www.woerterbuchnetz.de/Lexer?lemma=do>

как указательное наречие, причём различают его темпоральное употребление: его использовали или просто для указания на прошлое (“damals”), или для обозначения времени, когда проявляли себя следствия какого-либо действия в прошлом (“darauf”). Также эти лексемы характеризуются как относительные и указательные частицы. Кроме того, в словаре даётся дистрибуция лексем: dō могло стоять в начале, середине и конце предложения, а также открывать следующее предложение; dâ следовало за личными и относительными местоимениями.⁶⁴

В другом «Средневерхненемецком словаре», изданном совместно университетами г. Майнца и г. Трира, также говорится о смешении значений двух лексем начиная с XIII века. Dō здесь определяют как наречие и приписывают ему как локальное, так и темпоральное значение, причём если это слово стоит в начале предложения, то речь идёт об определённом моменте в прошлом. Кроме того, авторы словаря говорят об ослаблении семантики и указании на продвижение повествования. Также приводится противительное значение (“dennoch, aber”) и функция коррелята в выражении “wand(e)...dō”⁶⁵.

В словаре Й. К. Аделунга даётся определение лишь одной частице, da, так как ко времени нововержненемецкого периода частица dō уже вышла из употребления. Он называет da „Bestimmungswörtchen“ («определятельное словечко») и трактует её как указательное локальное и относительное наречие, соотносимое как со временем, так и с местом, а иногда и с объектами материальной действительности. В качестве второй функции Й. К.

---

⁶⁴ Mittelhochdeutsches Wörterbuch von Benecke, Müller, Zarncke [Электронный ресурс]. URL: <http://www.woerterbuchnetz.de/BMZ?lemma=do>, <http://www.woerterbuchnetz.de/BMZ?lemma=da>

⁶⁵ Mittelhochdeutsches Wörterbuch [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mhdwb-online.de/index.html>

Аделунг указывает, что *da* является “Bindewort” (соединительное слово), и в этом случае речь идёт исключительно о временном значении⁶⁶.

В «Немецком словаре» Я. и В. Гримм указывают множество значений и случаев употребления обеих лексем, однако мы остановимся лишь на тех, что имеют непосредственное отношение к средневерхненемецкому периоду языка. Во-первых, авторы подчёркивают смешение и неразличение значений обеих частиц: темпорального *u dō* и локального *u dā*. В словаре говорится также о том, что раньше частицу *dā* использовали перед каким-либо топонимом („die alte sprache liebt es, wenn vor dem eigennamen eines landes, flusses, waldes, einer stadt eine präposition steht, noch ein hinweisendes **da** vorangehen zu lassen“). Кроме того, указывается относительное значение *dā*, а ещё его применение в целях оживить повествование. В средневерхненемецком *dā* могли располагать отдельно от предлога или наречия, с которым это слово было употреблено, и в этом случае ему приписываются указательная и относительная функции, так же как и *dō*. Однако если эта лексема всё же образовывала сложное слово с другой лексемой, то в силу метрических причин гласная менялась, и *dar* становилась *der* («*derbî, dermite*»)⁶⁷.

Выводы по первой главе

Итак, в первом разделе мы выяснили, что научной среде возрос интерес к служебным лексическим единицам, и в особенности к тем, которые отражают существующие между участниками коммуникации отношения – дискурсивным маркерам. В зависимости от теоретического подхода к их

---

⁶⁶ Adelung, J. C.: Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der oberdeutschen [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.woerterbuchnetz.de/Adelung?lemma=da>

⁶⁷ Deutsches Wörterbuch von J. und W. Grimm [Электронный ресурс] – URL: <http://www.woerterbuchnetz.de/DWB?lemma=da>

изучению, учёные дали различные названия этим лексемам, причём отечественные учёные чаще используют термин «дискурсивный маркер», а немецкие исследователи применяют термин *Gesprächswort*. Однако не только в терминологии, но и в дефиниции и определении статуса маркеров дискурса нет единства: чаще всего их считают десемантизированными незнаменательными словами и причисляют к наречиям или частицам. Несмотря на то, что понятие дискурсивного слова восходит к исследованиям французских учёных, эту тему разрабатывали и ранее в других странах: например, В. В. Виноградов говорил о модальных словах и частицах и создал классификацию, состоящую из 12 классов.

Термин «дискурсивное слово» отталкивается от семантической специфики слова, не акцентируя особого внимания на его формальных признаках. Характерным для таких слов является то, что они употребляются факультативно и объединяют участников коммуникации и обстоятельства, в которых протекала коммуникация, в единое целое, именно поэтому изучать маркеры дискурса можно лишь в опоре на контекст, что позволяет решить проблему определения их частеречной принадлежности.

Современные исследователи пишут о необходимости использования данных языковых единиц, важных для поддержания общения, для возникновения логической и прагматической связи на лексическом и синтаксическом уровнях. К тому же, такие слова чаще всего не играют значительной роли в изменении содержания высказывания, но они маркируют важные для говорящего аспекты коммуникации на всех уровнях от фонетического до синтаксического.

Главным свойством дискурсивных маркеров является структурно-смысловая организация высказывания, ибо служат, прежде всего, возникновению когезии и когерентности и важны для создания и понимания текста, а кроме того – для отражения взаимодействия автора и рецепиента.

Во втором разделе мы описали особенности письменных памятников отдалённых эпох, среди которых одно из главных мест занимает такое

свойство как формульность. Исследуемые нами дискурсивные маркеры называют традиционными инициальными эпическими формулами, сигнализирующими о начале события и возникновении новой ситуации. Для поэта формулы были способом импровизации перед слушателями, ибо без такого вспомогательного средства ему было бы сложно исполнить своё произведение. Таким образом, формулы отнюдь не всегда служили созданию художественной атмосферы, о чём писал основоположник теории формульности М. Пэрри, считавший их утилитарными единицами.

Дошедшие до нас письменные памятники изначально восходят к устной традиции и возникали они в процессе изложения, что объясняет насыщенность древних текстов формулами. Однако это не означает, что все такие тексты базируются на устных преданиях. Из этого учёные сделали вывод, что в «Песни о нибелунгах» формулы играют иную роль, нежели в полностью устных памятниках: они важны для создания особого стиля, атмосферы устности, что позволяет тексту сохранить связь с древней традицией повествования. Исследователи описывают формулы не только как воспроизводимые, но и как продуктивные элементы, в которых, однако, традиция отодвигает индивидуальные характеристики на второй план.

Выбор произведений для анализа не случаен, так как мы можем сравнить их в контрасте: хотя героический эпос и куртуазный роман схожи по своей природе, между ними можно найти и множество различий. Если эпос завязан на мифе, где фантазия и реальность переплетаются, то в рыцарском романе фантастические мотивы объясняются с позиции рационального мышления. Кроме того, эпические герои сильно привязаны к «этническому коллективу», тогда как в романе автор делает акцент на судьбу и переживания героя как самостоятельной личности.

«Песнь о нибелунгах» и «Бедный Генрих» появились примерно в одно время, в конце XII– начале XIII веков, и объединяет их то, что оба являются обработками немецких легенд, а не переложением на немецкий язык французских источников.

В третьем разделе мы привели трактовки исследуемых лексем *dô* и *dâ*, найденные в словарях и грамматиках немецкого языка. В древневерхненемецком существовала указательное наречие *dar*, которое и дало начало частицам, сохранившим указательное значение. Кроме этого, исследователи выделяют относительное, локальное и темпоральное значения, причём различают характерное значение для каждой лексемы: если *dô* имело тенденцию к выражению временных характеристик, то *dâ* чаще использовалась для описания локальных свойств. Но несмотря на частое разграничение в употреблении, иногда значения смешивались, и любая из лексем могла использоваться в любом значении.

Глава 2. Функционирование дискурсивных маркеров *dô/dâ* в героическом эпосе «Песнь о нибелунгах» и рыцарском романе «Бедный Генрих»

2.1 Проблемы описания функционирования *dô/dâ*

В предыдущей главе мы привели трактовки исследуемых лексем, выявленные ранее учёными в разных текстах отдалённых эпох и представленные в различных лексикографических источниках. Задача настоящей главы состоит в выявлении функциональных возможностей

исследуемых частиц. Эта проблема актуальна, т.к. специального анализа функционирования дискурсивных маркеров *dô* и *dâ* в средневерхненемецком практически нет. Остановимся на этом подробнее. Г.А. Баева на примерах из «Песни о нибелунгах» показывает, что в разных позициях *dô* может:

- 1) открывать повествование в строфе и выступать в роли временного союза «когда» и «после того, как»;
- 2) указывать на последующее действие/эпизод;
- 3) вводить новую ситуацию;
- 4) отсылать к предыдущей ситуации;
- 5) являться обстоятельством с совмещённым локально-временным значением.⁶⁸

Кроме того, Г.А. Баева приходит к выводу, что данные лексемы, во-первых, используются для ввода прямой речи в сочетании с глаголами говорения в форме претерита; и во-вторых, употребляются с глаголами *werden* и *sîn* в конструкциях, похожих на пассивные конструкции в современном немецком языке. Другие исследователи также указывают на возможность указанных частиц переключать речь автора и персонажей. Например, А. Б. Рыкунова, отмечает характерную формульную конструкцию «*dô sprach* + персонаж + эпитет, относящийся к этому персонажу»⁶⁹.

Е. В. Тихонова, обращаясь к более раннему периоду языка, замечает, что коннектор *thô* (средневерхненемецкий *dô*) в сочетании с “*abur*” («снова») означал быструю смену действия. Также она делает вывод, что такая конструкция является исключительно германским явлением, встречающимся сперва в переводных текстах с латыни, тогда как в латинском оригинале то же самое понятие выражается простой глагольной формой (“*dicendo*”). Помимо этого, исследователь описывает ещё две формулы с той же семантикой, и в обеих присутствующую коннекторы *dô* и *dâ*, а именно: в сочетании с наречием

---

⁶⁸ Баева, Г.А. Указ. соч. – С. 55-56.

⁶⁹ Рыкунова, А.Б. Указ. соч. – С. 144-145.

“zehant” – «немедленно»⁷⁰ и в конструкции *dô* + глагол перемещения/удаления + *dan/sân*⁷¹. Е.В. Тихонова предполагает, что вторая конструкция является средством когезии с темпоральной семантикой «тогда, потом».

Д. В. Шапочкин, ссылаясь на классический труд Т.А. ван Дейка, говорит о двух аспектах дискурсивного анализа – текстуальном, который включает в себя «анализ текста на всех уровнях: от фонетического до синтаксического», и контекстуальном, что выливается в идею о контексте как об определяющем структуру текста элементе⁷². Именно такого подхода к анализу дискурсивных маркеров мы и придерживались в нашей работе.

Произведя отбор материала методом сплошной выборки, мы определили синтаксическую позицию *dô* и *dâ* в строфе, их дистрибуцию и сочетаемость с другими частями речи. На основании этого мы выделили функции *dô* и *dâ* и выяснили, что они могут не только употребляться как самостоятельные значимые единицы, но и входить в сочетания с другими лексемами.

Во второй главе мы анализировали примеры следующим образом: мы выделили группы примеров на основании функционального значения – способ классификации, которую О. Г. Мельник и Э. А. Сидельник считают наиболее удачным⁷³ – после чего описали эту функцию и рассмотрели каждый случай употребления подробно, опираясь как на лингвистические характеристики описываемой конструкции, так и на окружающий контекст. Материал исследования показал, что частицы могут занимать в строфе начальную, серединную и, реже, конечную позицию. Доминирующим

---

⁷⁰ Тихонова, Е.В. Следы поэтических формул в древневерхненемецких и средневерхненемецких памятниках // Электронный научный журнал SCRIPTORIUM: история древнего мира и средних веков. – 2010. — № 6. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91498>. – С. 62.

⁷¹ Там же. – С. 63.

⁷² Шапочкин, Д. В. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. - №10. – С. 101.

⁷³ Мельник, О. Г., Сидельник, Э. А. Дискурсивные маркеры в научных статьях по лингвистике // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2017. – №1. – С. 123.

оказалось использование в начальной позиции, поэтому наш анализ мы начнем с нее.

2.2 Dô/dâ в начальной позиции

Постановка dô и dâ в сильной позиции, начале строфы, как мы уже отметили, доминирует в исследуемых текстах. Выступая в роли дискурсивного маркера, dô обращает внимание слушателя/читателя на то, что следует непосредственно за ним: если это глагол, то для повествования важно само действие, нежели тот, кто это действие совершает. Если это какое-либо имя (собственное/нарицательное или местоимение), то сказитель таким образом мог вводить новое действующее лицо (используя существительное) или же указывать на кого-то или на что-то, что было названо ранее (используя местоимение). В исследуемом материале дистрибуция начальных dô и dâ следующая: в связи с относительно свободным порядком слов в средневерхненемецком языке за ними может стоять глагол-сказуемое с разнообразной семантикой или существительное (местоимение).

2.2.1 Dô/dâ + глагол

1) Сочетание dô/ dâ с *verba dicendi*

Одной из особенностей текстов отдалённых эпох, опирающихся на устную традицию, является появление в них глаголов говорения после дискурсивной частицы dô. Палитра таких глаголов в средневерхненемецкой литературе небогата: кроме доминирующего глагола *sprechen*, были найдены случаи употребления глаголов *sagen*, *vragen* (*fragen*), *ruofen* (*rufen*), *heizen* (*heizen*). Особенностью рассматриваемой конструкции является форма прошедшего времени (претерита) *verba dicendi*. Сочетание dô с *verba dicendi* выполняет в текстах анализируемых произведений очень важную роль и

служит переключению речи сказителя на речь героя, что может передаваться как прямой (доминирующий случай), так и косвенной речью.

- 1) **Dô sprach** der arme Heinrich:// «war umbe untroestet ir mich?» [Hein. 205-206] - Da sagte der arme Heinrich: "Warum nehmt Ihr mir alle Hoffnung?"
- 2) **dô sprach** er: 'wie mac daz wesen?' [Hein. 188] – Da sagte er: 'Wie kann das sein?' - Da sagte er: "Wie kann das sein?"
- 3) **dô riefen** ir genuoge/ 'nû vâha, herre, vâch!' [Nib. 1576,2] – Da riefen viele: 'Pack ihn, Herr, pack ihn!'
- 4) **Dô sprach** zuo dem râte/ der vürste Gêrnôt: [Nib. 1462,1] – Da schaltete sich König Gernot in die Beratung ein:
- 5) **Dô sprach** zer küneginne/ der herre Ruedeger: [Nib. 1348,1] – Da sagte Fürst Rüdiger zur Königin:
- 6) {Inner tagen zwelfen/ kômen's an den Rîn// ze Wormez zuo dem lande,// Werbel umd Swemmelîn} // **dô sagte** man diu maere den künegen und ir man // dâ koemen boten vremde. [Nib. 1430] – {In zwölf Tagen kamen sie zum Rhein und näherten sich Worms, Werbel und Schwemmel.} Da teilte man den Königen und ihren Männern mit, fremde Boten seien eingetroffen.
- 7) {nû ersach diu guote maget// einen hôhen tisch dâ stân,} // **dâ hiez** er sî ûf gân. [Hein. 1204-1206] - Jetzt sah das gute Mädchen dort einen hohen Tisch stehen; auf den ließ der Arzt sie steigen.
- 8) **Dô hiez** er boten riten / witen in siniu lant. [Nib. 1473, 2] – Da ließ er Boten weithin in seine Länder reiten.
- 9) **Dô hiez** diu kuneginne/ ir borten und ir golt// geben durch Kriemhilde [Nib. 1492, 1] – Da befahl die Königin, Bänder und Gold aus ihrem Besitz um Kriemhilds willen <...> zu geben.

См. также: [Nib. 1359, 1; 1408,1; 1453, 4; 1475, 1; 1487,1; 1538, 1; 1552,1; 1568,1; Hein. 188; 205; 1474].

Такая конструкция маркирует новую ситуацию: за ней следует реплика персонажа (примеры 1-4) или передаётся косвенная речь (6), что приводит к смене не только действующего лица, но и, как правило, описываемых событий. После глагола вводится прямая речь персонажа. Кроме того, сочетание инициального *dô/ dâ* с глаголом, предваряющее косвенную речь, может выражать приказ (7-9).

В некоторых случаях происходит распространение подлежащего с помощью различных языковых средств. Это может быть субъект, выраженный с помощью существительного с устойчивым эпитетом: очень часто герои рыцарского романа «Бедный Генрих» будут обозначены как «*der arme Heinrich*», «*die guote maget*» (*das gute Mädchen*) с обязательным атрибутом перед субъектом, что создаёт некую формульность в отдельно взятом тексте (примеры 1, 7). В шестом примере субъект передаётся неопределённо-личным местоимением «*man*», за которым, в силу его «неопределённости», сказитель «скрывает» фигуры, неважные для сюжета – *кто-то* (слуги или знакомые дворяне) сообщил Вербелю и Свеммелю новости. Кроме того, для распространения подлежащего может употребляться объект, стоящий сразу после глагола и указывающий на адресата, на которого направлена речь (примеры 4-5), в этом случае объект выражен предлогом “*zu*” и существительным в дательном падеже, а субъект стоит на третьем месте.

В исследуемых текстах мы нашли довольно много примеров, которые построены по аналогии с вышеуказанными, но в которых сперва указана прямая речь, а потом – сочетание “*dô+verbum dicendi*”. Эти случаи будут рассмотрены в параграфе 2.4.

2) Сочетание *dô/ dâ* с глаголами движения

Другим характерным классом глаголов, представленным в исследуемых конструкциях, являются глаголы движения. В этой группе также не наблюдается разнообразия: в исследуемом материале были найдены случаи использования дискурсивной частицы *dô/dâ* с глаголами *gehen*, *komen*, *reiten*, часто употреблёнными преимущественно в форме прошедшего времени претерита. Примеры:

- 1) **dô gie** der **künec** rîche mit vroun Kriemhilde dan. [Nib. 1355,4] – Da schritt der mächtige König mit Königin Kriemhild davon.
- 2) **dô gienc** der arme **Heinrich** hin, // dâ er die maget gebunden sach. [Hein. 1270-1271] - Da ging der arme Heinrich dorthin, wo er das Mädchen gebunden sah.
- 3) **dô giengen** zuo den hütten **die Etzelen man** [Nib. 1359, 3] – Da giengen Etzels Männer zu den Zelten.
- 4) **dô gie er** bi dem wazzer vür sich an den sant. [Nib. 1549, 3] – Dann ging er am Fluß entlang zum Ufer.
- 5) **dô gienc sî**, dâ ir herre slief. [Hein. 905] - ging sie dort hin, wo ihr Herr schlief.
- 6) 1. **dô kom** der vürste Gibeche mit vil hêrlîchen scharn. [Nib. 1343, 4] – Da kam der Fürst Gibeche mit vielen prachtvollen Trupps.
2. **Dô kom** von Tenemarken // der küene Hâwart [Nib. 1345, 1] – Da kam der kühne Havart von Dänemark.
3. **Dô kom** der künic Etzel [Nib. 1347, 1] – Da kamen König Etzel <...>
- 7) **dâ ritten** durch Ôsteriche / des künic **Etzelen man** [Nib. 1336, 4] – Die Männer König Etzels ritten dort durch Österreich.
- 8) **Dô reit** von Tronege **Hagene** / z'aller vorderôst. // <...> // **dô erbeizte** der deggen küene nider ûf den sant. [Nib. 1526, 1, 3] – Hagen von Tronje ritt da vorneweg. <...> Da stieg der kühne Held am Ufer ab.

Анафорическое *dô* в сочетании с глаголом движения может указывать на смену события или применяться при перечислении действий, которые могут относиться как к разным персонажам (примеры 6, 1-3), так и к одному (8). Думается, что в этом случае можно говорить о темпоральном значении («потом») (примеры 1-5), или об общей локально-темпоральной соотнесённости (примеры 6, 7, 8), так как в этих случаях дискурсивные частицы соотносятся не только с глаголом (темпоральность), но и с описываемой действительностью как таковой. Что касается субъекта действия, он может быть выражен как существительным, и тогда сказитель вводит в сюжет нового или давно не упоминаемого персонажа (примеры 1-3, 6-8), так и местоимением, и тогда возникает синсемантия, свидетельствующая о том, что номинация указанного персонажа была дана выше (примеры 4-5).

Иногда глагол с семантикой движения употребляется в форме сложного прошедшего времени, и в этом случае второе место в предложении занимает вспомогательный глагол:

- 1) **dô waren** von dem lande / die recken alle **komen**. [Nib. 1355,1] – Da waren alle Helden aus dem Land <...> angekommen.
- 2) **dô was** zuo den rossen **komen** manic man [Nib. 1360,3] – Da waren viele Männer zu den Pferden **gekommen**.

В вышеуказанных примерах происходит распространение предиката предложения посредством обстоятельства времени (1) и места (2), что указывает на выражение темпоральной и локальной соотнесённости, соответственно.

3) Сочетание *dô/ dâ* с *sîn/ werden*

Особую группу составляют примеры с *dô/ dâ* + *sîn/ werden* + Partizip II смыслового глагола, в которых используется претеритальная форма вспомогательных глаголов *was/ wart*. Как пишет Г.А. Баева, такие

конструкции по смыслу близки современному пассиву⁷⁴. Подобных примеров в исследуемых текстах немного: 7 случаев в «Песне», 3 – в «Бедном Генрихе».

- 3) **Dô was** ouch dem künige/ vil rehte nû **geseit** <...> [Nib. 1337, 1] –
Zuverlässig war dem König jetzt auch gemeldet worden <...>
- 4) **dô wart** ime *dâ* zehant// vil vroelîchen **gesaget** [Hein. 1055] - da wurde
diesem dort sogleich sehr fröhlich gesagt.

В приведённых выше примерах отсутствует агенс, что свидетельствует об использовании двучленного пассива (без субъекта действия). Главной его функцией является выделение самого действия и отодвижение субъекта действия на второй план⁷⁵. В данном случае, появление такой конструкции может быть объяснено отсутствием необходимости называть агенс, так как его можно понять из контекста: доложить королю о чём-либо могут только слуги/подданные, причём здесь за счёт пассивной конструкции слуги обезличены, так как они неважны для повествования. В примере из «Бедного Генриха» несколько иная ситуация: читателю *очевидно*, кто совершал действие, ибо речь идёт о прибытии Генриха и его невесты в Салерно к врачу, с которым они и разговаривают, поэтому пассивная конструкция применяется, чтобы опустить избыточную информацию.

Ср. схожие примеры с глаголами говорения, которые в определённой степени соотносятся с материалом, рассмотренным в начале главы:

- 5) **Dô wart** von den degenen/ **gevrâget** Hagene genuoc. [Nib. 1566, 4] – Da
wurde Hagen von den Helden mit Fragen überschüttet.
- 6) **Dâ wart** von schefte brechen// vil michel dôz **vernommen**. [Nib. 1355, 1] –
Man hörte großen Lärm vom Bersten der Lanzen.

⁷⁴ Баева, Г. А. Указ. соч. – С. 56.

⁷⁵ Шендельс, Е. И. Практическая грамматика немецкого языка. – М., 1982. – С.73.

7) **Dâ wart** in ritterschefe/ schilde vil **versniten** [Nib. 1375,2] – Bei Ritterspielen wurden da viele Schilde durchbohrt.

В текстах также можно встретить и полноценный трёхчленный пассив (3-4) с субъектом и объектом действия. Конструкция применяется сказителем, так как для этой ситуации важны все действующие лица: (3) vragen (nhd. fragen, спрашивать) – трёхвалентный глагол, и субъект «Хаген» нельзя опустить, а пациенс «героями» (“von den degenen”) используется для конкретизации носителя действия, так как в отряде были разные люди, не только герои.

4) Сочетание dō/ dâ с другими глаголами

Как уже указывалось, dō/dâ выполняют различные текстообразующие функции, и эти дискурсивные маркеры могут сочетаться с глаголами разнообразной семантики, которые не всегда могут быть объединены в группы. Например, вместе с глаголом “stân” (стяжённая форма глагола “stehen”) или was (wesen) такое сочетание в силу повторяемости можно рассматривать как формулу, ибо оно периодически используется при описании места события, передавая локальную соотнесённость.

1) **Dô stuont** mit solchen eren/ der hof unt ouch daz lant [Nib. 1386,1] – Da standen Hof und Land in solchem Ansehen.

2) **Dô stuonden** dâ wartende/ vil manic edel meit [Nib. 1380,1] – Da standen und warteten viele hochgeborene Mädchen.

3) **dâ was** vil manic man. [Nib. 1351,1] – Da waren viele Männer.

4) **Dâ was** deheinez mere. [Nib. 1564, 4] – Es war kein anderes (Ruder) da.

См. еще: [Nib. 1347, 2-3].

Сочетание с “begunde” (глагол «beginen» в форме претерита ед.ч.) означает начало действия и, следовательно, ввод новой ситуации.

- 5) **dô begunde** ir aber salwen/ von heizen trehen ir gewant. [Nib. 1394,4] – Da bekam ihr Kleid wieder Flecken von heißen Tränen.
- 6) **dâ begunde** erz ane strîchen // harte unmüezeclîchen. [Hein. 1219-1220] – Daran begann er es zu streichen sehr mit Bedacht

Dô/dâ могут предшествовать глаголам зрительного восприятия – sehen и vinden, которые часто используются сказителем в значении «увидеть» и сочетаются с инфинитивом, образуя конструкцию accusativus cum infinitivo:

- 7) **dô sahen’s** in dem schiffe **riechen** daz bluot [Nib. 1566, 2] – Da sahen sie im Schiff das Blut von der schweren Wunde dampfen.
- 8) **dô vant** er sinen herren an dem stade **stân**. [Nib. 1565,3] – Da sah er seinen Herrn am Ufer stehen.
- 9) **dâ vunden** si gezieret vil maneger vrouwen lîp. [Nib. 1361,3] – Dort trafen sie auf viele schön geschmückte Damen.

Можно перечислить множество глаголов, не поддающихся чёткой семантической классификации, однако всегда лексемы dô/dâ подчёркивают действие, выражаемое следующим за ними глаголом-сказуемым, и демонстрируют преимущественно темпоральную соотнесённость, так как вводится новая ситуация, следующая за предыдущей, и эта смена событий показывает развитие повествования во времени.

- 1) **Dô huop** man von dem maere die küneginne her. [Nib. 1349, 1] – Da hob man die hohe Königin vom Pferd.
- 2) **dô freuten** sich dar inne wip unde man. [Nib. 1379,2] – Da freuten sich dort Frauen und Männer.

- 3) **dô erbeizte** der degen küene nider uf den sant. [Nib. 1526, 3] – Da stieg er kühne Held am Ufer ab.
- 4) **Dô nam** der starke Hagene sinen guoten schildes rant [Nib. 1531,4] – Da ergriff der starke Hagen seinen guten Schild.
- 5) **dô holte** der arme Heinrich// einen tiefen sûft von herzen [Hein. 378] - Da seufzte der arme Heinrich aus tiefstem Herzen.
- 6) **dô erkande** ir triuwe // und ir nôt cordis speculator [Hein. 1356-1357] - Da erkannte ihre Liebe und ihre Not cordis speculator ['der ins Herz schaut']
- 7) **dô enwart** ir nie dar nâch sô nôt, // sîn verlüre gar ir bete. [Hein. 1306-1307] Da war ihr niemals später ihre Not so groß, vergeblich um etwas zu bitten.
- 8) **dô teilte** diu frouwe Kriemhilt golt unt ouch gewant [Nib. 1384,2] – Da verteilte die Königin Gold und Kleider.

Подобные примеры: [Nib. 1353, 2; 1435, 3; 1438, 2; 1524, 1; 1533,1; 1563, 4; 1572, 1; Hein. 174; 781-788; 1098; 1365; 1419].

2.2.2 Dô/dâ + имя существительное (местоимение)

В отличие от тех случаев, когда дискурсивные маркеры *dô/dâ* стоят перед глаголами и служат указанию на смену действия (события), в сочетании с именем они выделяют одного персонажа на фоне других и акцентируют внимание на том, что на данном этапе повествования носитель действия важнее самого действия, совершаемого им. С помощью анафорических частиц *dô/dâ*, непосредственно после которых стоит имя, сказитель акцентирует внимание на субъекте действия, который может быть выражен или существительным (именем собственным или нарицательным), или местоимением.

1) Dô/dâ + существительное

Такое сочетание служит обозначению новой ситуации: когда сказитель использует собственное имя персонажа (примеры 1-2, 4) или заменяет его именем нарицательным (3, 5-7), он переключает действие с помощью ввода нового действующего лица, которое упоминается впервые или же о котором не шло речи на протяжении нескольких строф. Иногда имя нарицательное может служить дополнительной характеристикой персонажа, введённой во избежание повтора имени собственного, упомянутого несколькими строками ранее (3). Однако в случае с романом «Бедный Генрих» следует сказать, что никто из персонажей, кроме главного героя, не назван по имени, поэтому имена нарицательные здесь служат их главной опознавательной характеристикой (6-7). Например:

- 1) **dâ Ruedeger** der degen, // den künic niht wolde lazen [Nib. 1358, 3] – Rüdiger, der Held, wollte den <...> König nicht allein lassen.
- 2) **Dô der herre Heinrich**// alsus geniete sich<...>// sîn hôchmuot wart verkêret [Hein. 75-76 <...> 83] - Als der Herr Heinrich <...> und seinem Vergnügen an der Welt lebte <...> [da] wurde sein Hochmut verkehrt.
- 3) **Dâ** diu schoene **Kriemhilt** bi Etzel under krone saz [Nib. 1374,4] – <...> wo die schöne Kriemhild neben Etzel unter der Krone saß.
- 4) der arme **Heinrich** ez emphienc// tugentlîchen unde wol,<...> **dô der** gnâdelôse **gast**// sîne maget wider kleite// und den arzât bereite [Hein. 1338-1339 <...> 1342-1344] - <...> {All das Schimpfen}nahm der arme Heinrich voller Anstand und so wohl auf <...> Als der unglückliche Fremde sein Mädchen wieder angezogen und den Arzt bezahlt hatte,
- 5) **Dô der künec mit sînem wîbe**/ von dem stade reit [Nib. 1383,1] – Als der König mit seiner Frau vom Ufer geritten war
- 6) **dô der meier** und **sîn wîp**// an dem bette sâzen [Hein. 876-877] - Als der Meier und seine Frau am Bett saßen.

- 7) **Dô diu maget** rehte ersach, // daz ir ze sterbenne niht geschach // **dâ** was ir muot beswæret mite. [Hein. 1281-1283] - Sobald das Mädchen erkannte, daß es nicht sterben sollte, war sie betrübt.
- 8) {Diu hochzît was gevallen an einen pfinxtac,} // **dâ der künec Etzel** bî Kriemhilde lac <...> [Nib. 1365, 1-2] – Auf einen Pfingsttag war das Fest gefallen, als König Etzel mit Kriemhild <...> das Beilager hielt.
- 9) vervluochet und verwâzen // wart vil dicke der tac, // **dâ sîn geburt** ane lac. [Hein. 160-162] - Verflucht und verwünscht wurde von ihm sehr oft der Tag, an dem er geboren war.

При такой последовательности членов предложения, вводимых *dô/dâ*, субъект может быть распространён с помощью приложения (примеры 1-2, 8), устойчивого эпитета (3-4; подробнее об этом – см. 2.2.1), предложного дополнения (5) и притяжательного местоимения (9); кроме того, *dô/dâ* могут вводить подлежащее, состоящее из двух лексем (6). В предложении может быть употреблено обстоятельство времени, конкретизирующее совершаемое действие, выраженное глаголом-сказуемым (7).

2) *Dô/dâ* + местоимения

Сочетания дискурсивных частиц *dô/dâ* с местоимением, выражающим субъект действия, используется сказителем после того, как этот субъект уже был обозначен существительным. Рассматриваемая конструкция служит когезии и когерентности текста. Примеры:

- 1) **dâ si** den vürsten edele/ mit kusse güetelîch enpfie. [Nib. 1350, 4] – wo <...> sie den hochgeborenen Fürsten mit einem Kuß begrüßte.
- 2) **dô si** die rede vernamen,/ die boten wolden varn [Nib. 1426,3] – Als sie das vernommen hatten, wollten die Boten weiterreisen.

- 3) **dô si** di reise lobeten/ her in Hiunen lant,// daz waz dem grimmem Hagene/ gar zem tode genant [Nib. 1500,3-4] – Als sie der Fahrt ins Hunnenland zustimmten, sah der schreckliche Hagen sich schon tot.
- 4) **dâ er** anderthalben eine herberge vant. [Nib. 1549,4] – wo er auf der anderen Seite eine Herberge entdeckte.
- 5) **dô er sî** vol brâhte// hin, als er gedâhte,// dâ er sînen meister vant [Hein. 1055-1057] - Als er sie ganz dorthin gebracht hatte, wo er glaubte, den Arzt zu finden.
- 6) **dô sî** sich hâte geleit// an ir alte bettestat, //sî bereite aber ein bat [Hein. 516-518] - Als sie sich an ihre alte Stelle im Bett gelegt hatte, bereitete sie abermals ein Bad.

См. ещё схожие примеры: [Nib. 1491, 1; 1338, 4; 1516, 2].

Такое сочетание передаёт прежде всего временную соотносённость, ибо служит развитию действия, вводя новые события и объединяя их в одну логическую цепочку, где личное местоимение в именительном падеже соотносится с названным ранее субъектом действия.

Иногда возникает сочетание дискурсивного маркера *dô/dâ* с личным местоимением в винительном падеже, но это происходит нечасто: мы обнаружили всего 3 случая. Здесь сказитель обращает внимание слушателя уже не на субъект, а на объект действия, упомянутый ранее (примеры 1, 2) или названный позднее (3)

- 1) **dâ ir** der künec Etzel// hin engegen gie, [Nib. 1350, 3] – wo König Etzel auf sie zutrat.
- 2) **dô sî** der meister ane sach// in sînem herzen er des jach [Hein. 1197] - Als der Arzt sie ansah, sagte er in seinem Herzen.
- 3) **dô in** Hagen ersach// der gotes' arme priester muose lîden ungemach. [Nib. 1575,3-4] – Als ihn Hagen sah, ging es dem armen Priester schlecht.

Итак, в качестве маркеров дискурса *dô/ dâ* акцентируют внимание на следующем за ними элементом. Если этим элементом является глагол, то сказителю важнее подчеркнуть действие, а не его субъект, и ввести таким образом новую ситуацию. Чаще всего в исследуемых текстах после дискурсивной частицы встречаются глаголы говорения и движения, причём последние могут передавать временную или общую локально-темпоральную соотнесённость. Кроме того, *dô/ dâ* сочетаются с претеритом глаголов *sîn/ werden + Partizip II* смыслового глагола – такие конструкции семантически близки пассиву в нововерхненемецком языке. Существует большое количество глаголов, образующих формулы в сочетании с *dô/ dâ*, например, *stân* (описание места действия), *beginen* (начало действия), *sehen* и *vinden* (оба как глаголы зрительного восприятия). Материал исследования даёт возможность увидеть закономерность в употреблении дискурсивных частиц: *dô* чаще используется для передачи локальной соотнесённости, *dâ* – для временной, но обе могут также применяться для отражения общей соотнесённости.

2.3 *Dô/dâ* в конечной позиции

Одной из характеристик средневерхненемецкого языка, как уже отмечалось, являлся неустойчивый порядок слов в предложении, что помогало поэтам сочинять свои тексты и воспроизводить услышанные однажды чужие песни: затрудняясь продолжить повествование, сказители могли заполнять пустующие места в строфе незначимыми словами. Их место в предложении подчинялось законам ритмики и рифмы, и иногда такие лексемы возникали в абсолютном конце предложения, однако далеко не всегда они были десемантизированы. Ср. примеры:

- 1) ‘*dîn wîlle deist mîn vreude*’,/ **sprach** der künic **dô**// ‘*ine wart mîn selbes mâge/ nie sô rehte vrô.*’ [Nib. 1504, 1-2] – ‘Was Du Dir wünschst, ist

meine Freude', sagte der König da. 'Auf meine eigenen Verwandten habe ich mich niemals so gefreut.'

- 2) **Dô** sprach der künec rîche:/ 'der maere bin ich **vrô**// wie gehabt sich Etzel', /sô **vrâgt** der degen **dô**, „<...>“ [Nib. 1441, 2] – Da sagte der mächtige König: 'Ich bin glücklich, das zu hören. Wie geht es Etzel', fragte da der Held.
- 3) **sprach** der meister **aber dô**, „iuwer sühte ich **alsô**“ [Hein. 195-196] – erwiderte da der Arzt. "Mit Eurer Krankheit verhält es sich folgendermaßen“
- 4) sînes gelückes wæren **vrô**//von schulden muosen sî **dô** [Hein. 1383 – 1384] - <...> seines Glückes erfreuten. Zu Recht mußten sie da <...>
- 5) Von dem gedanke wart sî **dô**// vil ringes muotes unde **vrô** [Hein. 529-530] Von diesem Gedanken wurde sie da ganz unbeschwert und froh.
- 6) alsus wânde er sî **dô** // beidiu mit bete und mit **drô**// gesweigen [Hein. 589-591] So glaubte er sie da mit beidem: mit Drohen und mit Bitten zur Ruhe zu bringen.
- 7) sus gesâzen sî beide// riuwec unde **unvrô**// unz sî sich bedâhten **dô**// waz in ir trûren töhte. [Hein. 886-888] - So saßen sie beide voller Schmerz und ohne jede Freude, bis sie sich bedachten, was ihre Trauer ihnen nützte.
- 8) der maere, der er vrâgte, der geloubet er sich **dâ**. [Nib. 1544, 4] – Die Prophezeiung ließ er auf sich beruhen.

См. ещё: [Hein. 215-216; 509-510; 565-566; 901-902; 1009-1010].

В примерах (1-3) вновь речь идёт о сочетании **dô** с глаголом говорения в форме прошедшего времени претерита, где частица **dô** закрывает строку. При этом комментарий автора располагается между двумя отрезками прямой речи персонажа (примеры 1-2). Союз “aber” (3) сигнализирует уже не просто

о вводе прямой речи, а выражает противительное значение и некоторую темпоральную соотнесённость («но тогда лекарь возразил»). То же временное значение передаёт *dô/dâ* во всех вышеприведённых примерах, соотносясь с глаголом в форме претерита. Но несмотря на оттенки значений, которые заключает в себе *dô/dâ*, главной функцией лексемы, стоящей в конце высказывания, является создание и сохранение рифмы в строфе.

2.4 *Dô/ dâ* в середине предложения

Серединное положение *dô/dâ* является также следствием того, что в средневерхненемецком порядок слов ещё не закрепился, следовательно, дискурсивные маркеры как темпоральные и локальные показатели могли не только открывать или закрывать строку, но и стоять в середине предложения, что в определённом контексте также можно наблюдать в современном немецком. Кроме этого, важным фактором являлись метрические причины, и сказитель мог поставить *dô/dâ* в середину высказывания ради сохранения ритма повествования. Как было указано выше, дискурсивные маркеры выделяют и подчёркивают лексемы, находящиеся в их непосредственном окружении. Если же *dô/dâ* стоят не в абсолютном начале и не в абсолютном конце высказывания, то они могут акцентировать внимание как на действии, так и на субъекте или объекте этого действия. Тогда возникает общая соотнесённость, как называл её В. Г. Адмони⁷⁶: языковое значение маркеров дискурса во многом реализуется за счёт экстралингвистических факторов, как, например, «различные параметры речевой ситуации», образующие «невербальный контекст высказывания», который, в свою очередь, завязан на устную традицию сказания, что «формирует и организует мысль сказителя»⁷⁷.

⁷⁶ Адмони, В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. – М., 1963, с. 84.

⁷⁷ Баева, Г.А. Указ. соч. – С. 56.

Рассмотрим примеры.

1) **dô/dâ** в середине предложения перед глаголом-сказуемым

- 1) daz swimmen daz wart guot, // wand in diu starke ünde/ **deheinez dâ benam**. [Nib. 1571, 2, 3] – Das Schwimmen verlief gut, die starke Flut nahm ihnen keines.
- 2) sîn gemahel **im dô rief** [Hein. 905-906] - Seine liebe Braut rief ihn an.
- 3) Ze jungest **dô bedâhte** sich // ir herre, der arme Heinrich [Hein. 1011-1012] – Zuletzt besann sich da ihr Herr, der arme Heinrich.
- 4) dô der arme Heinrich // driu jâr **dâ entwelte** [Hein. 350-351] Als der arme Heinrich sich drei Jahr dort aufgehalten hatte.
- 5) mit solher riuwe er **dô sprach**: [Hein. 381] - sprach er da mit so großem Schmerz:

Лексемы *dô/dâ* в нашем материале могут выделять глагол и местоимение: отрицательное (1) или личное (2), и служить вводу нового действия (2) или расширять текущую ситуацию (1). Маркер дискурса *dô*, располагаясь между обстоятельством времени «*ze jungest*» и глаголом, выражает темпоральную соотнесённость (3). В четвёртом примере можно говорить о совмещённой локально-временной соотнесённости, поскольку частица *dâ*, с одной стороны, следует за обстоятельством времени «*driu jâr*», а с другой – отсылает к предыдущему контексту, в котором описывалось пристанище героя. Случаи, подобные тому, что демонстрирует пятый пример, были описаны выше (см. 2.2.1).

Похожих случаев достаточно много: [Nib. 1339, 3; 1340, 3; 1344, 4; 1353, 3; 1358, 1; 1364, 4; 1392, 2; 1413,3; 1453,1; 1469, 3; 1474, 3; 1479, 1; 1533,4; Hein. 183; 381; 471; 774; 850; 941; 1149; 1209; 1242; 1272; 1442; 1519].

2) **dô/dâ** в середине предложения после глагола-сказуемого

Следуя за глаголом, *dô/dâ* выступают в качестве локально-темпорального маркера:

- 6) Von Riuzen und von Kriechen **reit dâ** vil manic **man**. [Nib. 1339, 1] – Da ritten viele Männer aus Rußland und aus Griechenland.
- 7) {Ein stat bî Tuonouwe/ lit in Ôsterlant, // diu ist geheizen **Tulne**} <...> si **enpfiegen dâ** genuoge,/ den sît leit von ir geschach. [Nib. 1341, 3-4] – In Österreich an der Donau liegt eine Stadt, die Tulln genannt wird. <...> Da begrüßten viele sie, denen später Leid durch sie geschah.
- 8) der **enwolden** si **niht mêre dâ ze hove** tragen. [Nib. 1434,3] – Die wollten sie am Hof aber nicht mehr tragen.
- 9) Hagene **was dâ** meister:/ des fuort er uber sant// vil manegen kuenen recken / in daz unkunde lant [Nib. 1572,3,4] – Hagen übernahm die Leitung und führte viele hochgeborene Helden ans Ufer in das fremde Land.

См. также: [Nib. 1349, 2; 1359, 2; 1520, 3 1542, 1-2; Hein. 36; 181; 1367; 1369; 1404].

Функцию *dâ* в шестом примере нельзя трактовать однозначно. С одной стороны, дискурсивное слово может указывать на обстоятельство места «von Riuzen und von Kriechen», и тогда речь идёт о локальном значении, маркируемом ей. С другой стороны, *dâ* может относиться к предыдущему контексту, где описывается отряд, в котором ехали воины из многих стран, и в этом случае следует говорить об общей локально-темпоральной соотнесённости, так как дискурсивное слово будет указывать на ситуацию в прошлом (темпоральность) и одновременно на место в отряде, занимаемое героями (локальность). В примерах (7-8) *dâ* относится к локальному показателю (*Tulne*; *ze hove*), но при этом в случае (7) *dâ* связан ещё и с обстоятельством времени «*niht mêre*», что говорит об общей локально-временной соотнесённости. *Dâ* выполняет ту же функцию, соединяя темпоральный показатель (глагол *was*) и локальный показатель, представленный как объяснение происходящих событий (9).

Возможна и другая дистрибуция *dô/dâ*, но таких случаев мало, поэтому мы не рассматриваем их в нашей работе.

2.5 *Dô/dâ* в сочетании с предлогами/наречиями

В исследуемых текстах можно увидеть сочетания *dô/dâ* с различными предлогами и наречиями, пока написанные раздельно – в новонаемецком они сольются и станут единой лексемой – так называемым местоименным наречием (*Pronominaladverb*). Такие сочетания могут как открывать строфу, так и стоять в середине предложения. Как пишет В. Г. Адмони, «сочетание местоименного наречия *dâ* с предлогом *von*» часто используется «для выражения причины» с дополнительным значением источника события. Учёный также отмечает, что эта форма синонимична «*des*» в том же значении⁷⁸. Ниже мы рассмотрим сочетание *dâ* и с другими предлогами.

1) *Dô/dâ* с предлогом

Dô/dâ с предлогом могут выполнять различные функции в предложении. Часто такие сочетания стоят перед сказуемым, и думается, что это неслучайно, так как они семантически связаны с действием, на которое указывают и которое обозначают в качестве причины какого-либо события. Примеры:

- 1) {*Nu enmac des leider niht sîn.*} // ***dâ von*** *muoz iu diu helfe mîn// durch alle nôt sîn versaget.* [Hein. 222] – Nun ist das aber leider nicht möglich. Deshalb muß Euch meine Hilfe unbedingt versagt bleiben.
- 2) *der kamern der pflac Eckewart,/ dâ von er friunt gewan.* [Nib. 1398,3] – Eckewart war Kämmerer, das gewann ihm Freunde.

---

⁷⁸ Адмони, В.Г. Указ.соч. – С. 85.

- 3) {Dô stuont der arme priester/ unde schutte sîne wât.} // **dâ bî** sach wol Hagene, daz <...> [Nib. 1580, 1,2] – Da stand der arme Priester und schüttelte seine Kleider. Daran erkannte Hagen, daß <...>
- 4) {wie bistû hiute alsô vruo?} herre, **dâ** twinget mich dar **zuo**// der jâmer iuwer siecheit. [Hein. 910-911] – {wie kommt es, daß du heute so früh bist?} Herr, dazu zwingt mich der Schmerz über eure Krankheit.

Подобные случаи: [Nib. 1342, 4; 1351, 4; 1368, 2; 1373, 3; 1512, 4; Hein. 502; 1165; 1306; 1321; 1490].

В вышеприведённых примерах возникает сильная зависимость сочетания *dâ* с предлогом от глагола, которое отсылает к указанной ранее причине того или иного события/знания(пример 2)/необходимости(примеры 1, 3). Ранее был упомянут характерный для средневерхненемецкого языка неустойчивый порядок слов в предложении, чем можно объяснить разделённые части сочетания «*dâ zuo*», которое позже превратится в «*dazu*» (пример 3). Одной из возможных причин такой позиции может являться желание автора сохранить рифму – предыдущая строка оканчивается на “*vruo*”.

Темпоральную соотнесённость передавало сочетание наречия «*sît*» с дейктической частицей «*dô*», и это обстоятельство времени также не имело закреплённой позиции в предложении (примеры 4-5):

- 5) **Sit dô** sagete in Hagene, daz des kunde niht gesin [Nib. 1582,4] – Später sagte ihnen Hagen, daß es dazu nicht kommen würde.
- 6) wan er lützel sich versach, // daz doch **sît dô** geschach. [Hein. 969-970] – denn er rechnete nicht mit dem, was später doch dort geschehen sollte.

Это сочетание служит выделению действия, возникновение которого напрямую было завязано на события в прошлом, что и подчёркивается будущим местоименным наречием.

2) *Dô/dâ* в сочетании с наречием

Dô/dâ может стоять перед наречием, и такое сочетание даёт возможность дискурсивным словам маркировать локальное, причинное или инструментальное значение. Примеры:

- 1) und **dâ mite** er sich möhte // gelieben den liuten. [Hein. 14-15] - und womit er sich bei den Menschen beliebt machen könne.
- 2) wan **dâ mite** ich solde // mîner sühte genesen [Hein. 440-441] - Denn das, wodurch ich von meiner Krankheit geheilt werden könnte.
- 3) Und mich **dâ mite** scheiden von aller mîner not [Nib. 1416,2] – und mich damit erlösen von meinem ganzen Elend.
- 4) si gedaht ouch maniger leide, der ir **dâ heime** geschach [Nib. 1391, 4] – Auch dachte sie an all das Leid, das ihr zu Hause widerfahren war.
- 5) <...> ein herberge stat, // **dâ inne** ist ein verge unt niender anderswa. [Nib. 1544, 2, 3] - <...> steht ein Herberge, darin ist ein Fährmann und niergendwo sonst.
- 6) daz rieten im die besten, die er **dâ under** vant [Nib. 1458, 2] – rieten ihm die Vornehmsten in der Versammlung.

См. ещё: [Nib. 1501, 2; 1507, 4; Hein. 627; 1217; 1349; 1399; 1424].

Инструментальную функцию выполняет частица «dâ» в сочетании с наречием «mite» (примеры 1-3). Интерес представляет предложение (пример 3), в котором описываемое сочетание соотносится как с объектом действия (mich), так и с самим действием (scheiden), т. е., этот случай представляет собой пример общей соотнесённости. В примере (4) локальная соотнесённость заметна в мотивировке самого сочетания: «dâ» чаще употреблялась именно как локальная частица⁷⁹, а значение наречия «heime» само по себе указывает на место (дома, на родине). Так же обстоит дело и в

---

⁷⁹ См., напр.: Lexer, М. Указ. соч.

(5-6), где обнаруживается сильная связь между сочетанием и глаголом: *именно там* (и нигде более) *находится* кто-то/что-то.

2.4.2 Конструкция с двойным *dô/dâ*

Такая конструкция достаточно частотна в «Песни о нибелунгах» и встречается в нашем материале 15 раз, в романе «Бедный Генрих» - немного реже, 11 раз.

Как мы можем увидеть ниже, все эти фразы построены одинаково с точки зрения синтаксиса: первое *dô* открывает строфу и может вводить новую ситуацию. В этом случае, оно, как правило, приближается по функции к временному союзу со значением «после того, как». Порядок слов указывает на то, что *dô* является союзом, так как за ним следуют подлежащее и глагол-сказуемое в форме прошедшего времени. Второе *dô* вводит новую ситуацию, следующую за первой, и стоит перед глаголом-сказуемым, за которым следует субъект. Таким образом, в представленных примерах речь идёт о предшествовании (*Vorzeitigkeit*) одного события другому, причём, более раннее событие описано в придаточном времени, которое располагается перед главным предложением. Первый пример интересен ещё и тем, что второе *dô* не открывает вторую пропозицию, а располагается в середине простого предложения. Такая постановка обусловлена не метрическими причинами, как можно было бы предположить, а грамматическими: часть «*wer ieslîchiu waere*» является придаточным подлежащим, после которого тут же располагается коррелят “*daz*”.

- 1) **Dô** der kûnec mit sînem wîbe/ von dem stade reit, // wer ieslîchiu waere, / *daz* wart **dô** wol geseit. [Nib. 1383,1,2] – Als der König mit seiner Frau vom Ufer geritten war, wurde der hochgeborenen Kriemhild gesagt, wer jede war.

2) den er *dannen hôrte, /**dô** er des niht envant,// **dô** zurnde er ernslîchen,/ als er Hagenen sach, [Nib. 1555, 2, 3] – Als er den nicht sah, den er gehört zu haben glaubte, sondern Hagen, wurde er sehr zornig.

3) **dô** ez vil kûme was getaget// **dô** gienc sî, dâ ir herre slief. [Hein. 904] - Als es gerade Tag geworden war, ging sie dort hin, wo ihr Herr schlief.

См. ещё подобные примеры: [Nib. 1422, 1,2; 1483, 1; 1486, 4; 1498, 1,3; 1521, 1,2; 1525, 1,2; 1534, 2; 1538, 3,4; 1574, 1,2; Hein. 120-123; 133; 987; 1055-1058; 1342-1346; 1378-1379; 1463-1465].

Здесь дело обстоит иначе: события протекают параллельно, таким образом можно говорить об одновременности (Gleichzeitigkeit) событий. Расположение частей сложного предложения такое же, как и в примерах (1-3). Такая функция встретилась нам в текстах всего трижды: один раз в романе Гартмана фон Ауэ, и дважды – в «Песни о нибелунгах» [Nib. 1400, 1, 4].

4) **Dô** si wolden dan,// **dô** sagt er dem kûnege/ tougen sînen muot. [Nib. 1517, 2, 3] – Als sie ziehen wollten, sagte er dem König unter vier Augen, was er dachte.

5) **dô** si sus gevreuwet wâren,// **dô** enbôt erz heim ze lande// den, die er erkande// der sælden und der gûete,// daz sî in ir gemüete// sînes gelückes wæren vrô. [Hein. 1378-1383] – Als sie so beglückt waren, ließ er das daheim in seinem Land denen ausrichten, von denen er aufgrund ihrer Zuneigung und Güte wußte, daß sie sich reinen Herzens seines Glückes erfreuten.

Иначе дело обстоит с примерами 6 и 7. Здесь *dô* является не темпоральным показателем, а, скорее, маркирует причинно-следственные связи. Лекарь удручен, **так как** девушка настаивает на том, чтобы её принесли в жертву, а он не хочет, чтобы она умирала (9). В примере 10 речь идёт о том, что священник вернулся назад, **потому что** не получил помощи,

но в данном случае связь между двумя частями сложного предложения можно обозначить и как причинную, и как темпоральную (после того как он не получил помощи, он вернулся назад). К тому же, в пятом предложении *dô* играет ту же роль: **так как** они были счастливы, **то** Генрих пригласил друзей.

Примеры:

6) **dô** sî niht solde genesen// **dô** erbarmete in ir nôt [Hein. 1214] - Da sie nicht mit dem Leben davonkommen sollte, erbarmte ihn ihre Not.

7) **Dô** der arme pfaffe/ der helfe niene sach,// **dô** kêrt er wider übere. [Nib. 1579,1, 2] – Als der arme Priester keine Hilfe fand, schwamm er zurück.

Во всех подобных случаях субъект может быть выражен именем существительным или местоимением, или же именем собственным. Если субъект выражен именем собственным или нарицательным, то можно говорить о вводе совершенно новой ситуации, в противовес подлежащему-местоимению, которое указывает на субъект, упомянутый ранее. К тому же, несмотря на наличие во всех простых предложениях грамматически разных подлежащих, в некоторых примерах речь идёт об одном субъекте, выраженном личным местоимением (пример 2) или именем существительным и личным местоимением (пример 7).

Восьмой пример мы решили отнести к исключениям: хотя семантически он принадлежит этой же группе примеров, предложения вводятся с помощью разных лексем:

8) **Dô** diu maget rehte ersach,// daz ir ze sterbenne niht geschach// **dâ** was ir muot beswæret mite. [Hein. 1281-1283] – Sobald das Mädchen erkannte, daß es nicht sterben sollte, war sie betrübt.

Итак, исходя из вышеизложенного анализа, можно заключить, что конструкции с двойным *dô* и *dâ* могут передавать совершенно разные

значения: они способны вводить новую ситуацию, предшествующую другой или протекающую одновременно с ней, служить маркерами причинно-следственных связей, а также совмещать темпоральное и причинное значения. Кроме того, за лексемами $d\hat{o}$ и $d\hat{a}$ не закреплена определённая позиция в высказывании, хотя и наблюдается тенденция, что дискурсивными маркерами открываются главное и придаточное предложения.

Выводы по второй главе

В силу незакреплённого порядка слов в средневерхненемецком языке и поэтического характера исследуемых текстов дискурсивные маркеры $d\hat{o}/d\hat{a}$ могли как открывать строку, так и стоять в её конце, а также располагаться в середине предложения. Выбор места лексемы зачастую зависел от метрических причин, ибо сказителю было принципиально важно сохранить ритм повествования. Наиболее частым случаем из найденных нами в исследуемых текстах стало инициальное $d\hat{o}/d\hat{a}$, за которым могли следовать глагол-сказуемое, и тогда сказитель стремился подчеркнуть действие, или имя-субъект, если для повествования важнее оказывались персонажи. Сочетание $d\hat{o}/d\hat{a}$ с глаголом служило обозначению новой ситуации, причём чаще других использовались глаголы с семантикой говорения, движения, состояния и зрительного восприятия. В отличие от глаголов, имена применялись для переключения персонажей: сказитель использовал имя собственное/нарицательное при появлении нового героя (или героя, о котором давно не шло речи) и местоимение, если субъект действия был недавно упомянут.

Главной функцией дискурсивных маркеров $d\hat{o}/d\hat{a}$ в конечной позиции являлось сохранение ритма и рифмы, однако данные лексемы не были десемантизированы и указывали на различную соотнесённость между частями высказывания.

Серединное положение $d\hat{o}/d\hat{a}$ обуславливается не только ритмическими причинами, но и намерением сказителя подчеркнуть сразу несколько

пропозиций: в этом случае дискурсивные маркеры $d\hat{o}/d\hat{a}$ соотносились и с субъектом/объектом действия, и с самим действием, и тогда возникала общая соотнесённость. Однако, даже с учётом контекста, не всегда можно сразу и точно определить, какое значение маркирует $d\hat{o}/d\hat{a}$, указывая одновременно на несколько лексем.

Нередко дискурсивные маркеры $d\hat{o}/d\hat{a}$ сочетались с предлогами и наречиями, что в современном немецком языке стало местоименным наречием. У таких сочетаний широкая дистрибуция и часто они соотносятся со стоящим рядом глаголом-сказуемым. $D\hat{o}/d\hat{a}$ с предлогом регулярно использовались для передачи семантики причины, тогда как конструкции с наречием обладали более широким спектром значений – темпоральным, локальным и инструментальным.

Особым случаем стала конструкция с двойным $d\hat{o}/d\hat{a}$, периодически используемая в исследуемых текстах. Она передаёт временную семантику, вводя две ситуации, которые или следуют одна за другой – и тогда возникают причинно-следственные связи, или же протекают одновременно.

Заключение

В ходе выполнения дипломной работы были проанализированы случаи употребления дискурсивных маркеров $d\hat{o}$ и $d\hat{a}$ на материале героического эпоса «Песнь о нибелунгах» и рыцарского романа «Бедный Генрих». В этих произведениях, являющихся по своей природе устными текстами, были найдены случаи регулярного употребления лексем дискурсивных маркеров $d\hat{o}$ и $d\hat{a}$. Опираясь на классификацию их функций, разработанную Г. А. Бaeвой, был проведён анализ таких случаев и сделан вывод, что в исследуемом материале используются все выделенные функции:

- 1) данные лексические единицы открывают повествование в строфе и выступают в роли временного союза «когда» и «после того, как»;
- 2) указывают на последующее действие или эпизод повествования;
- 3) вводят новую ситуацию;

- 4) отсылают к предыдущей ситуации;
- 5) являются обстоятельством с совмещённым локально-временным значением;
- 6) используются для ввода прямой речи персонажа.

В результате исследования были решены следующие задачи:

- 1) уточнено понятие дискурсивных слов и определено своеобразие исследованных единиц;
- 2) выявлены, описаны и систематизированы контексты употребления указанных единиц;
- 3) определены их коммуникативные и текстуально-прагматические функции;
- 4) описана их дистрибуция;
- 5) выявлена синтаксическая сочетаемость исследуемых единиц.

Изучение теоретических основ лингвистических исследований маркеров дискурса в *главе I* позволило сделать следующие выводы:

- 1) в современной науке не существует единой семантической и функциональной классификации дискурсивных маркеров, и некоторые исследователи объясняют это необходимостью изучения данных единиц в контексте;
- 2) вопрос об их частеречной принадлежности до сих пор остаётся открытым;
- 3) в качестве одной из основных характеристик таких единиц указывается факультативность и одновременно необходимость их употребления для успешной коммуникации, так как дискурсивные маркеры служат структурной и смысловой организации высказывания и отражают

отношения, возникающие между участниками коммуникации, к которым также относятся сказитель и слушатели.

Маркеры дискурса важны для нашего исследования как характерные элементы письменных памятников отдалённых эпох, так как, по мнению некоторых исследователей, они являются традиционными эпическими формулами. Эти лексем использовались сказителем не только для создания художественного эффекта и особого стиля, но и для импровизации перед публикой.

В ходе анализа случаев употребления маркеров дискурса в вышеназванных текстах в *главе 2* были сделаны следующие выводы:

1) в силу незакреплённого порядка слов в средневерхненемецком языке данные лексем могли занимать инициальное, срединное и финальное место в высказывании, что в большинстве случаев определялось ритмическими причинами;

2) была описана сочетаемость исследуемых лексем с другими частями речи и в соответствии с этим – выделены функции дискурсивных маркеров: указательная, относительная, локальная, темпоральная, усилительная. Кроме того, при анализе привлекался контекст, из которого можно было точнее выявить функции, выполняемые лексемами *dô* и *dâ* в конкретных примерах.

3) *dô* и *dâ* регулярно соотносились с глаголами и именами, что служило вводу нового действия, нового персонажа или развитию повествования. В зависимости от семантики глаголов *dô* и *dâ* могли отражать темпоральную, локальную или общую соотнесённость. Если эти лексем стояли перед существительным, то такая конструкция служила смене действия или предваряла появление не упомянутого ранее персонажа. В тех случаях, когда за *dô* и *dâ* следовало местоимение, можно говорить о возникновении синсемантии, указывающей на то, что персонаж уже был назван выше.

4) были найдены и описаны случаи сочетания исследуемых лексем с предлогами и наречиями и выявлены их функции: помимо названных выше локального и темпорального, такие сочетания передавали причинное и инструментальное значения. Помимо них были выявлены случаи дважды использованного *dô/dâ* в строфе. Такая конструкция содержала временную семантику и вводила две связанные друг с другом ситуации.

Перспектива дальнейшего исследования включает расширенный анализ употребления дискурсивных маркеров *dô/dâ* в средневековой литературе и составление классификации функций этих лексем. Кроме того, результаты настоящего исследования могут быть включены в более обширное изучение маркеров дискурса в немецкой средневековой литературе.

В заключение добавим, что изучение данной темы становится всё более актуальным, так как возрастает интерес учёных к вопросам функционирования дискурса, в том числе – в текстах отдалённых эпох. Лингвисты стремятся понять особенности мышления людей, живших более восьми столетий назад, и письменные памятники предоставляют богатый материал для исследования этой проблемы.

Библиографический список

Источники практического материала:

- 1) Das Nibelungenlied Mittelhochdeutsch/Neuhochdeutsch // Hgg. v. Joachim Heinze. – Berlin, 2015. – 1755 S.
- 2) Hartmann von Aue. Der arme Heinrich. Mittelhochdeutsch/Neuhochdeutsch// Hgg. von Ursula Rautenberg. – Stuttgart, 2005. – 131 S.
- 3) Freytag, H. Hartmann von Aue, Armer Heinrich, 'Arbeits'-Übersetzung. – Hamburg, 2004. [Электронный ресурс]. – URL: <http://germanistik.doomby.com/medias/files/hartmann-von-aue-der-arme-heinrich-bokos-z1-.pdf> (дата обращения 2.05.2017).

Литература:

- 4) Адмони, В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. – М., 1963. – 336 с.
- 5) Баева, Г.А. Дискурсивные частицы *dō /dā* в немецком героическом эпосе // *Philology*. – 2016. - №4. – С. 55-57.
- 6) Баранов, А. Н., Плунгян, В. А., Рахилина, Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М., 1993. – 205 с.
- 7) Бергельсон, М.Б. Дискурсивные маркеры как часть речи // Типология языка и теория грамматики: Материалы Международной конференции, посвящённой 10-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона, 27-30 ноября 2007 г.». – СПб., 2007. – 219 с.
- 8) Болсуновская, Л. М., Зеремская, Ю.А., Дубровская, Н. В. Виды дискурсивных маркеров в русскоязычных и англоязычных научных статьях по геологии и нефтегазовому делу // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. – 2015. - №4. – С. 117-123.
- 9) Бондарко, Н.А. О стереотипных структурах и их варьировании в средневековой словесности // Типология языка и теория грамматики: Материалы Международной конференции, посвящённой 10-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона, 27-30 ноября 2007 г.». – СПб., 2007. – С. 32.
- 10) Борисова, Е. Г. Дискурсивные слова и референция в процессе понимания сообщения // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной Международной конференции «Диалог» (2014)*. – М. – 2014. – № 13. – С. 96-106.
- 11) Веселовский, А. П. Историческая поэтика. – М., 1989. – 648 с.
- 12) Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 2001. – 720 с.

- 13) Вишневецкая, Г. М., Кремень, Н. И. О функционировании дискурсивных маркеров в устной политической речи // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 45. – с. 248-263.
- 14) Власян, Г.Р. Особенности функционирования маркеров англоязычного разговорного дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – И., 2011. – С. 115-120.
- 15) Голубева, И.С. Дискурсивный маркер в политическом дискурсе // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: Материалы XXV студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. — М., 2015. — № 6. – 214 с.
- 16) Гуревич, А. Я. Средневековый героический эпос германских народов // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М., 1975. — С. 5-26.
- 17) Гуревич, Е.А. Парная формула в эддической поэзии. Опыт анализа // Художественный язык Средневековья. – М., 1982. – С. 62-83.
- 18) Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и П. Пайара. – М., 1998. – 446 с.
- 19) Еремин, И.П. Формы летописного повествования // Лекции и статьи по древней русской литературе. – Л., 1987. – 326 с.
- 20) Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. – М., 2001. – 862 с.
- 21) Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Н., 2010. – 486 с.
- 22) Жирмунский, В. М. Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения // Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л., 1979. – 495 с.
- 23) Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). – М., 1992. – 336 с.
- 24) Киселева, К. Л. Инвариантное и вариативное в семантике дискурсивных слов: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук/ Киселёва Ксения Львовна; РГГУ. – М., 1996. – 230 с.
- 25) Кобозева, И.М., Захаров, Л.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Тр. междунар. конф.

- «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» (диалог '2005). – М., 2005. – 292 с.
- 26) Когут, С. В. Дискурсивные маркеры в русскоязычных и немецкоязычных геологических статьях // Вестник Томского государственного университета. – 2014. - № 380. – С. 18-23.
- 27) Мелетинский, Е. М. Средневековый роман. Происхождение и классические формы. – М., 1983. – 302 с.
- 28) Мелетинский, Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М., 1986. – 318 с.
- 29) Мельник, О. Г., Сидельник, Э. А. Дискурсивные маркеры в научных статьях по лингвистике // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2017. – №1. – С. 121-128.
- 30) Михайлов, А. Д. Роман и повесть высокого Средневековья // Средневековый роман и повесть. – М., 1974. – 640 с.
- 31) Мурашкова, Е. М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров // Вестник МГОУ. – 2014. – №5. – С. 53-59.
- 32) Павлов, В.М. Полевые структуры в строе языка. – СПб., 1996. – 116 с.
- 33) Рыкунова, А. Б. К вопросу о научной и культурной рецепции «Песни о нибелунгах» // Шаги/Steps. – 2015. – Т. 1. № 2. – С. 131-150.
- 34) Тихонова, Е.С. Временная локализация действия в средневерхненемецких эпических памятниках: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук, Тихонова Елена Сергеевна; СПбГУ. – СПб., 2009. – 206 с.
- 35) Томмола, Х. Прямо прямо идет, а с нею не разминешься (о статусе дискурсивных слов и частиц) // Slavica Helsingiensia. – 2008. – № 35. – С. 410-420.
- 36) Тюпа, В. И. Три стратегии нарративного дискурса // Дискурс. – 1997. – №3-4. – С. 106-108.
- 37) Черемисина, М.И., Колосова, Т.А. Очерки по теории сложного предложения. – М., 2010. – 226 с.

- 38)Черник, Н. И. Дискурсивные маркеры как средство логико-композиционной организации научного дискурса // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы VII Международной конференции, посвященной 92-летию образования Белорусского государственного университета, 30 октября 2013 г. – Минск, 2013. – С. 94-95.
- 39)Шапочкин, Д. В. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. - №10. – С. 101-107.
- 40)Шендельс, Е. И. Практическая грамматика немецкого языка. – М., 1982. – 400 с.
- 41)Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц. – Frankfurt am Main, 1999. – 147 с.
- 42)Betten, A. Zur Satzverknüpfung im althochdeutschen Tatian // Althochdeutsch. – Heidelberg, 1987. – S. 395-407.
- 43)Borghart, K.H.R. Das Nibelungenlied. Die Spuren mündlichen Ursprungs in schriftlicher Überlieferung. – Amsterdam, 1977. – 174 S.
- 44)Bowra, C. M. Primitive song. – London, 1962. – 330 p.
- 45)Brown, G., Yule, G. Discourse analysis. – Cambridge, 1983. – 288 p.
- 46)Burkhardt, A. Die Beschreibung von Gesprächswörtern im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch // Wörterbücher/Dictionaries/Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie. – Berlin, New York, 1989. – S. 822-830.
- 47)Daur, A. Das alte deutsche Volkslied. – Leipzig, 1909. – 200 S.
- 48)Dittmar, N. Lakmüstest für funktionale Beschreibungen am Beispiel von auch (Fokuspartikel, FP), eigentlich (Modalpartikel, MP) und also (Diskursmarker, DM) // Modus, Modalverben, Modalpartikel. – Trier, 2002. – S. 142-177.
- 49)Henne, H. Die Rolle des Hörers im Gespräch // Sprache und Pragmatik: Lunder Symposium 1978. – Lund, 1979. – S. 122-134.

- 50)Holzapfel, O. Studien zur Formelhaftigkeit der mittelalterlichen dänischen Volksballade. – Frankfurt a. M. 1969. – 157 S.
- 51)Lord, A. The singer of tales. – Cambridge (Mass.), 2000. – 307 p.
- 52)Masser, A. Von Alternativstrophen und Vortragsvarianten im Nibelungenlied // Hohenemser Studien zum Nibelungenlied. – Dornbirn, 1981. – S. 125-137.
- 53)Meyer, R. Die altgermanische Poesie nach ihren formelhaften Elementen beschrieben. – Berlin, 2011. – 574 S.
- 54)Parry, M. Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making. Vol. 1. Homer and the Homeric Style. — Cambridge (Mass.), 1930; Vol. 2. The Homeric Language as Language of Oral Poetry. — Cambridge (Mass.), 1932.
- 55)Redeker, G. Ideational and pragmatic markers of discourse structure. // Journal of Pragmatics. – 1990. – Vol. 14. – P. 367-381.
- 56)Schiffrin, D. Discourse Markers. – Cambridge, 1987. – 364 p.
- 57)Sonderegger, St. Reflexe gesprochener Sprache in der althochdeutschen Literatur // Frühmittelalterliche Studien. – 1971. – №. 5. S. 176-192.
- 58)Wolf, N. R. Satzkonnectoren im Neuhochdeutschen und Mittelhochdeutschen. Prolegomena zu einer kontrastiven Textsyntax // Sprachwissenschaft. – 1971. – № 3. – S. 16-48.

Словари:

- 1) Adelung, J. C. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der oberdeutschen. // Trier Center for Digital Humanities / Kompetenzzentrum für elektronische Erschließungs- und Publikationsverfahren in den Geisteswissenschaften an der Universität. – Trier, 2011. – URL: (дата обращения 6.05.2017)
- 2) Grimm, J., Grimm, W. Deutsches Wörterbuch // Trier Center for Digital Humanities / Kompetenzzentrum für elektronische Erschließungs- und

- Publikationsverfahren in den Geisteswissenschaften an der Universität. – Trier, 2011. – URL: <http://woerterbuchnetz.de/DWB/> (дата обращения 6.05.2017)
- 3) *Mittelhochdeutsches Wörterbuch* // Trier Center for Digital Humanities / Kompetenzzentrum für elektronische Erschließungs- und Publikationsverfahren in den Geisteswissenschaften an der Universität. – Trier, 2011. – URL: <http://www.mhdwb-online.de/index.html> (дата обращения 6.05.2017)
- 4) Benecke, G. F., Müller, W., Zarnke, F. *Mittelhochdeutsches Wörterbuch* // Trier Center for Digital Humanities / Kompetenzzentrum für elektronische Erschließungs- und Publikationsverfahren in den Geisteswissenschaften an der Universität. – Trier, 2011. – Stuttgart, 1990. – URL: <http://woerterbuchnetz.de/BMZ/> (дата обращения 6.05.2017)
- 5) Lexer, M. *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch* // Trier Center for Digital Humanities / Kompetenzzentrum für elektronische Erschließungs- und Publikationsverfahren in den Geisteswissenschaften an der Universität. – Trier, 2011. – URL: <http://woerterbuchnetz.de/Lexer/> (дата обращения 6.05.2017).

Электронные ресурсы:

- 1) Кибрик, А.А. Лекция «Дискурсивные маркеры». – 2009. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/New/14-discourse-markers.pps>. (дата обращения 27.04.2017).
- 2) Луков, В. А. Этапы литературного процесса: Средние века: Высокое Средневековье. — Теория истории литературы: Жанры [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.litdefrance.ru/199/1359>. (дата обращения 19.04.2017).

- 3) Массалина, И.П. Дискурсивные маркеры [Электронный ресурс]. – URL: http://www.klgtu.ru/en/research/magazine/2009_15/45.doc. (дата обращения 1.05.2017).
- 4) Тихонова, Е.В. Следы поэтических формул в древневерхненемецких и средневерхненемецких памятниках // Электронный научный журнал SCRIPTORIUM: история древнего мира и средних веков. – 2010. — № 6. – С. 61-68. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91498> (дата обращения 23.04.2017).